

ԲՈՎԱՆԴԱԿՈՒԹՅՈՒՆ

Զարգացումներ Վրաստանի շուրջ	4
Միջազգային ճգնաժամային խմբի զեկույցը Ադրբեջանում իսլամի վերաբերյալ	7
«Заговор слабых»	10
Вопрос геноцида армян как инструмент давления Израиля	15
Հորդանան. ապագա տարածաշրջանային կենտրոն	17
Будущее американского великодержавия	19

ԶԱՐԳԱՑՈՒՄՆԵՐ ՎՐԱՍՏԱՆԻ ՇՈՒՐՁ

Չնայած մայիսի 21-ին Վրաստանում խորհրդարանական ընտրություններ են, և հունվարին այդ երկրում կայացած նախագահական ընտրություններից հետո հատկապես կարևոր է թվում այն հարցը, թե ինչքանով կհաջողվի Սահակաշվիլու կուսակցությանը ստանալ անհրաժեշտ քանակությամբ ձայներ՝ փաստացի միակուսակցան կառավարություն ձևավորելու համար, սակայն տարածաշրջանային գործընթացների ու Հայաստանի ազգային անվտանգության տեսանկյունից էլ ավելի էական են «ՆԱՏՕ-Վրաստան» համագործակցության շուրջ ընթացող զարգացումները՝ մի քանի պատճառով.

- թեև ակնհայտ է դառնում, որ ՆԱՏՕ-ի հետ Վրաստանի փոխգործակցության և դրանից ածանցված ռուս-վրացական հարաբերությունների սրացումների ու արխագական, հարավօսական խնդիրների հարցն ամենից մեծ ազդեցությունը կունենա Վրաստանի խորհրդարանական ընտրությունների վրա (և այդ առումով այն նաև պետք է ընկալել որպես Սահակաշվիլու վարչակազմի հաջողված PR ակցիա, որը շեղում է ընտրազանգվածի ուշադրությունը ներքին՝ սոցիալ-տնտեսական խնդիրներից), սակայն փաստն այն է, որ անդամակցությունը դաշինքին վրացական վերնախավի գերակշիռ մասի որոշումն է¹, և անցած 3-4 տարիներին ռուսական քաղաքականությանը չհաջողվեց որևէ փոփոխության հասնել այդ հարցում²,
- ՆԱՏՕ-ին Վրաստանի անդամակցության հարցը դարձել է հարավկովկասյան քաղաքականության ամենաորոշիչ գործոնը, և այդ իմաստով՝ եթե նախորդ տարիներին տարածաշրջանային քաղաքականության մեջ իշխող էր դարաբաշյան, արխագական ու հարավօսական հակամարտությունների հետ կապված տրամաբանությունը, ապա այսօր այդ տեղը զբաղեցնում է ՆԱՏՕ-ին Վրաստանի անդամակցության հարցը,
- Հյուսիսատլանտյան դաշինքին Վրաստանի անդամակցությունը կամ Թբիլիսիի ձախողումն այդ հարցում կարող է լրջորեն փոխել աշխարհաքաղաքական փոխդասավորվածությունը Հարավային Կովկասում,
- այսինքն՝ ամեն դեպքում մեզ սպասում են լուրջ փոփոխություններ, որոնք պարզապես չեն կարող իրենց ազդեցությունը չունենալ Հայաստանի ազգային անվտանգության վրա, մյուս կողմից՝ հարավկովկասյան բոլոր երկրների պարագայում էլ սպասելի են ազգային անվտանգության հայեցակարգերին առնչվող նորամուծություններ:

Իրավիճակային վերլուծություն

Ապրիլի 3-ին Բուխարեստում ընդունված ՆԱՏՕ-ի անդամ պետությունների ղեկավարների գագաթաժողովի հռչակագրի 23-րդ կետում կարդում ենք. «ՆԱՏՕ-ն ողջունում է Ուկրաինայի և Վրաստանի եվրաստլանտյան ձգտումը ՆԱՏՕ-ին անդամակցելու գործում: Այսօր մենք համաձայնության եկանք այն մասին, որ այդ երկրները կդառնան ՆԱՏՕ-ի անդամ: ...[ՆԱՏՕ-ին] անդամակցության ուղիղ ճանապարհին Ուկրաինայի և Վրաստանի համար Ան-

¹ Պատահական չէ, որ հունվարի 5-ին Վրաստանում կայացած նախագահական ընտրություններին զուգահեռ տեղի ունեցած ՆԱՏՕ-ին այդ երկրի անդամակցության վերաբերյալ հանրաքվեում կողմ արտահայտվեց քվեարկողների 72.5%-ը:

² Ապրիլի 16-ին հրապարակված Կրեմլի որոշումը Աբխազիայի ու Հարավային Օսիայի հետ փոխգործակցությունում անցնել նոր մակարդակի՝ փաստացի ճանաչել այդ հանրապետությունների կողմից տրամադրված փաստաթղթերը, բազմոլորտ աջակցություն ցուցաբերել Աբխազիայում ու Հարավային Օսիայում բնակվող ոչ միայն Ռուսաստանի քաղաքացիներին, առաջին հերթին վկայում է դրա մասին: Ըստ ռուսական աղբյուրների, Մոսկվան պատրաստվում է նաև ներկայացուցչություններ բացել Մուխոմոմում և Ցիխնվալում:

դամակցության գործողությունների ծրագիրը (ԱԳԾ)¹ հաջորդ կարևոր քայլն է: Այսօր մենք հստակորեն նշում ենք, որ պաշտպանում ենք այդ երկրների թեկնածությունները ԱԳԾ-ին միանալու հարցում: ...[ՆԱՏՕ անդամ երկրների] արտաքին գործերի նախարարները լիազորված են որոշում կայացնելու ԱԳԾ-ին Ուկրաինայի և Վրաստանի միանալու հարցի առնչությամբ»:

Թեև կասկածից վեր է, որ ՆԱՏՕ-ի բուխարեստյան գազաթաժողովի ընթացքում գլխավորապես Գերմանիայի առաջնորդությամբ գործած երկրների՝ Ֆրանսիա, Իտալիա, Բելգիա, բացասական դիրքորոշումը՝ դեմ դուրս գալ ԱԳԾ-ին Ուկրաինայի և Վրաստանի միանալու տարբերակին (ինչպես պնդում էին ԱՄՆ-ը, Մեծ Բրիտանիան ու Լեհաստանը), կարելի է դասել ռուսական դիվանագիտության հաջողությունների շարքին², սակայն գազաթաժողովին հաջորդած Մոսկվայի քայլերը վկայում են, որ այդ հաջողությունը Կրեմլում համարում են խիստ ժամանակավոր:

Ապրիլի 7-ին ռուսական «Коммерсант»-ը գրեց, թե Բուխարեստում կայացած «Ռուսաստան-ՆԱՏՕ» խորհրդի փակ նիստի ժամանակ Պուտինն ուղղակի սպառնացել է իր արևմտյան գործընկերներին անքսիայի ենթարկել Ղրիմն ու Արևելյան Ուկրաինան, եթե Կիևը դառնա Հյուսիսատլանտյան դաշինքի անդամ: Վրաստանի պարագայում, պարբերականի փոխանցմամբ, Կրեմլի ղեկավարը խոստացել էր ճանաչել Աբխազիայի ու Հարավային Օսիայի անկախությունները:

Հասկանալի է, որ «Коммерсант»-ի հրապարակումը ռուսական դիվանագիտության լրատվական արտահոսքն էր՝ առաջին հերթին ուղղված Կիևին ու Թբիլիսիին, և հետագա օրերին վրացական ուղղությամբ ի հայտ եկած զարգացումները³ դրա վակայությունն էին, սակայն մեր պարագայում հիմնական ուշադրությունը պետք է կենտրոնացնել այլ հանգամանքի վրա:

Իրականում, ռուսական կողմի նման սուր քայլերը պետք է որ մեզ հուշեն, թե ստեղծված իրավիճակը Մոսկվայում գնահատում են այսպես՝

- չնայած Բուխարեստում տրված դադարին, ՆԱՏՕ-ին Ուկրաինայի և Վրաստանի անդամակցության հարցում ԱՄՆ-ը և եվրոպական ազդեցիկ երկրները սկզբունքային դրական համաձայնության են հանգել (և այդ առումով ՆԱՏՕ-ի բուխարեստյան հռչակագրի 23-րդ կետը պետք է ավելի շուտ ընկալել այդ իմաստով, քան որ դա միտված էր ամերիկյան դիվանագիտության հեղինակությունը փրկելուն),
- թեև մի կողմից արևմտաեվրոպական վերոհիշյալ երկրների, իսկ մյուս կողմից՝ ԱՄՆ-ի ու նրա դաշնակիցների միջև շարունակում են պահպանվել հակասությունները՝ կապված ՆԱՏՕ-ին Ուկրաինայի և Վրաստանի անդամակցության ժամկետի հետ, սակայն անգամ այդ կետում գործի է զգված փոխհամաձայնության հասնելու մեխանիզմը (խոսքը դաշինքի բուխարեստյան գազաթաժողովի այն որոշման մասին է, որ ԱԳԾ-ին Ուկրաինայի և Վրաստանի միանալու հարցը կարող են այլևս լուծել դաշինքի անդամ պետությունների արտգործնախարարները, և հիմք ընդունելով հռչակագրի 23-րդ կետը՝ պետք է դարձյալ ենթադրել, որ ՆԱՏՕ-ին Ուկրաինայի և Վրաստանի անդամակցության հարցում Արևմուտքում, ըստ ամենայնի, կա սկզբունքային փոխհամաձայնություն):

¹ Անդամակցության գործողությունների ծրագիր (ԱԳԾ), Membership Action Plan (MAP): Այն համարվում է վերջին փուլը Հյուսիսատլանտյան դաշինքի լիիրավ անդամ դառնալուց առաջ:

² Ուշագրավ է, որ այդ առումով հատկապես Միացյալ Նահանգների փորձագիտական շրջանակները կրկին սկսեցին արձարծել Ռուսաստանից Եվրոպայի էներգետիկ կախվածության հարցը, ինչը, այդ աղբյուրների ներկայացմամբ, իրեն զգալ տվեց ԱԳԾ-ին Ուկրաինայի և Վրաստանի միանալու հարցում Գերմանիայի բռնած դիրքորոշման մեջ:

³ Խոսքը ռուսական ԱԳՆ-ի ապրիլի 16-ի վերոհիշյալ հրապարակման մասին է, ուր ասվում էր, թե Կրեմլում որոշում է կայացվել Աբխազիայի ու Հարավային Օսիայի հետ սկսել նոր որակի փոխգործակցություն:

Հետևություններ

Անկախ այն հանգամանքից, թե ինչ ընթացք կստանա ՆԱՏՕ-ին Վրաստանի անդամակցության հարցը և ինչ զարգացումներ ի հայտ կգան այդ հարցի առնչությամբ, Հայաստանի անվտանգության տեսանկյունից հարկ էնք համարում առանձնացնել հետևյալ դիտարկումները.

- կարճատև հեռանկարում ԱՄՆ-ի ու նրա դաշնակիցների համար հարավկովկասյան քաղաքականության նախագծերից առաջնային է հանդիսանալու ՆԱՏՕ-ին Վրաստանի անադամակցելու հարցը, հետևաբար պետք է քիչ հավանական համարել այն, որ ներկայում Ղարաբաղյան հիմնախնդրում status quo-ի փոփոխությամբ ամենից շատ շահագրգռված ամերիկյան կողմը նշված հիմնախնդրի ուղղությամբ կձեռնարկի շոշափելի ինչ-որ քայլեր,
- սակայն ՆԱՏՕ-ին Վրաստանի անդամակցության պարագայում կարող է էականորեն փոխվել Լեռնային Ղարաբաղի հիմնախնդրին առնչվող իրադրությունը, քանի որ տարածաշրջանում ներգրավված գերտերություններից մեկը (տվյալ դեպքում՝ ԱՄՆ-ը) կստանա լրացուցիչ լուրջ լծակներ, մասնավորապես, Հայաստանի վրա ներազդելու համար,
- պարզ երևում է, որ ՆԱՏՕ-Վրաստան այսօրվա զարգացումներին զուգահեռ աճում է աբխազական կամ հարավօսական ուղղությամբ (կամ երկու ուղղություններով էլ միաժամանակ) ռազմական գործողությունների վերսկսման հավանականությունը (որը կարող է պահպանվել անգամ դաշինքին Թբիլիսիի անդամակցելուց հետո), քանի որ ստեղծված իրավիճակում նշված ճանապարհին այն միակ գործող լծակն է, որը կարող է բանեցնել Մոսկվան՝ Վրաստանի վրա ազդեցություն գործելու համար. այդ պարագայում չի կարող մեջտեղ չգալ Հայաստան-Ռուսաստան-Վրաստան եռանկյունում լարվածության առաջացման հանգամանքը,
- և վերջապես, ՆԱՏՕ-ին Վրաստանի անդամակցության պարագայում Հայաստանի քաղաքական դեկավարությունը պետք է սպասելի համարի ռուս-ադրբեջանական հարաբերությունների ջերմացմանը միտված Մոսկվայի քայլերը:

Մարգիս Հարությունյան
«Նորավանք» հիմնադրամ

ՄԻՋԱԶԳԱՅԻՆ ՃԳՆԱԺԱՄԱՅԻՆ ԽՄԲԻ ԶԵԿՈՒՅՑԸ ԱՂԲԵՋԱՆՈՒՄ ԻՍԼԱՄԻ ՎԵՐԱԲԵՐՅԱԼ

Միջազգային ճգնաժամային խումբը (International Crisis Group) վերջերս հրատարակեց «Ադրբեջան. անկախ իսլամը և պետությունը» խորագրով զեկույցը. Azerbaijan: Independent Islam and the State, Europe Report No. 191-25, 25 March, 2008, www.crisisgroup.org/library/documents/europe/caucasus/191_azerbaijan_independent_islam_and_the_state.pdf/: Չեկույցը կազմված է չորս գլուխներից, Եզրակացությունից և Հավելվածից:

Առաջին բաժնում կամ Ներածության մեջ, որն ունի երկու ենթաբաժին՝ «Աշխարհիկ ավանդույթը» և «Ահաբեկչության դատապարտում», ընդհանուր գծերով քննարկվում է Ադրբեջանում իսլամի առաջացման և հետագա տարածման հարցը: Շիա իսլամը տիրապետող դարձավ ներկայիս Ադրբեջանի տարածքում 16-րդ դարից ի վեր, մինչդեռ հյուսիսային Ադրբեջանում, որտեղ պարսկական ազդեցությունը թույլ էր, մնաց սուննի իսլամը: Ադրբեջանում և Իրանում ապրող ադրբեջանցիներն անջատվեցին իրարից 1828թ. Ռուսական և Պարսկական կայսրությունների կողմից Թուրքմենչայի պայմանագրից հետո: Արդյունքում՝ Ադրբեջանի տարածքում ուժեղացավ ցարական ազդեցությունը, խթանվեց ռուսացումը և իսլամը մարգինալացավ: Իսկ հետագայում խորհրդային ժամանակահատվածում տեղի ունեցավ հասարակության հետագա աշխարհիկացում: Սգլիթների մեծ մասը փակվեց, կրոնական գործիչները բռնությունների ենթարկվեցին: Այդ առումով կրոնական գիտակցությունը հնարավոր չեղավ վերականգնել անգամ 1991թ. Ադրբեջանի անկախացումից հետո: Այսօր Ադրբեջանն աշխարհիկ երկիր է, որի բնակչության միայն մի փոքր մասն է հետևում իսլամի հիմնարար դրույթներին: 2006թ. անցկացված հարցախույզի տվյալներով՝ բնակչության 7,2 տոկոսն է խորքային հավատացյալ, 49,7 տոկոսը հավատում է Աստծուն, սակայն գործնականում չի իրականացնում իսլամի սկզբունքները: Իսլամական ինքնությունն առավելապես հիմնված է մշակույթի և էթնիկության, քան կրոնի վրա: Բնակչության 2/3-ը շիա է, 1/3-ը՝ սուննի: Կրոնական խմբերի հիմնական մասը համագործակցում է կառավարության հետ և ճանաչում պետության կողմից հովանավորվող Կովկասի մահմեդականների վարչության հոգևոր իշխանությունը: Միայն առանձին կրոնական խմբեր իրենց համարում են անկախ, չեն ենթարկվում վարչությանը: Երկրի հյուսիսային և հարավային շրջանների բնակիչներն ավելի հավատացյալ են: Որոշակիորեն կրոնականացված է Բաքվի հյուսիսային Նարդարան շրջանը:

Չնայած Ադրբեջանն աշխարհիկ երկիր է, սակայն լինելով հարևան Իրանին, Թուրքիային և Ռուսաստանի կազմում գտնվող Դաղստանին, նաև գտնվելով Մերձավոր Արևելքի հարևանության մեջ, թիրախ է արտաքին իսլամական ազդեցության համար: 1990-ականներից սկսած Ադրբեջանում սկսեցին հիմնավորվել արմատական իսլամիստական շարժումներ: Ադրբեջանում գործող միջազգային առաջին արմատական կազմակերպությունը «Ալ-կաիդայի» հետ կապեր ունեցող «Ալ-ջիհադն» էր: Նմանօրինակ կազմակերպությունների շարքում էին «Ջեյշուլլահը», «Հիզբ ութ-թահրիբը», «Կովկասի իսլամական բանակը», «Ջամաաթ ալ-մուվահիդդունը», որոնք տարբեր ժամանակներում իշխանությունների կողմից հիմնականում չեզոքացվել են: Վերջին տասը տարիների ընթացքում Ադրբեջանում փաստորեն առկա էին արմատական իսլամի առաջացման մարտահրավերներ: Սակայն իշխանություններին հաջողվեց բռնությունների միջոցով կանխել այն սպառնալիքները, որ ներկայացվում էին որպես արտաքին ուժերի կողմից թելադրված:

Երկրորդ բաժինը, որ վերնագրված է «Արտաքին ազդեցություններ», ունի չորս ենթաբաժին՝ «Մերձավոր Արևելք», «Դաղստան ու Չեչնիա», «Իրան» և «Թուրքիա»: Երիտասարդ ադրբեջանցիները, ովքեր 1980-ականների վերջերին և 1990-ականների սկզբներին ուսանելու էին գնացել Մատույան Արաբիա, Քուվեյթ կամ Եգիպտոս, ինչպես նաև ուխտավորներն իրենց հետ Ադրբեջան բերեցին սալաֆի իսլամը, որ Ադրբեջանում ասոցացվում է վահաբականություն

եզրի հետ: Սալաֆի իսլամը, որը փաստորեն ներմուծվեց Մերձավոր Արևելքից, փորձեց լցնել այն հոգևոր վակուումը, որ օբյեկտիվորեն կար անկախացումից հետո, և որին առաջին հերթին ընդառաջ գնացին երիտասարդները: Սալաֆի հետևորդների թիվը երկրում հաշվվում է շուրջ 10.000: Երկրում գործել են սալաֆիական մի շարք կառույցներ՝ «Իսլամական ժառանգության վերածննդի կազմակերպությունը» (որ վերանորոգել է 62 մզկիթ, որոնցից չորսը՝ Բաքվում, ֆինանսավորել է Բաքվի Աբու Բաքր մզկիթի շինարարությունը), սաուդական «Միջազգային իսլամական բարեգործական կազմակերպության» մասնաճյուղը և այլն:

Արաբական և Միջին Արևելքի այլ երկրներից Չեչնիայում կովոդ մոջահիդները (որ անցնում էին նաև Ադրբեջանի և Դաղստանի տարածքով) նույնպես զգալի դեր են խաղացել սալաֆիականության տարածման համար: Իսկ Ադրբեջանի հյուսիսում ապրող փոքրամասնությունները՝ լեզգիներ, ավարներ և ծախուրներ, էթնիկ սերտ կապեր ունեն Դաղստանում: Բացի այդ, 2000-2001թթ. Ադրբեջանում հաստատված շուրջ 10.000 չեչեն փախստականներ սալաֆիական գաղափարների կրողներ էին: Որոշ ադրբեջանցիներ միացել են դաղստանյան ջամաթներին (ռազմական խմբավորումներին) կամ չեչեն ապստամբներին: Պաշտոնական տվյալներով՝ շուրջ 300 ադրբեջանցիներ մարզվել են Չեչնիայի և Դաղստանի մարզական ճամբարներում: Նման միտումներ ներկայումս էլ կան:

Ադրբեջանի անկախացումից հետո աստիճանաբար սկսեց ուժեղանալ իրանական ազդեցությունը: «Իմամ Խոմեյնիի բարեգործական հիմնադրամն» օգնում էր Ադրբեջանին Լեռնային Ղարաբաղի պատերազմից հետո, երկիր էր ներմուծվում մեծաքանակ իրանական կրոնական գրականություն: 1991թ. ստեղծվեց «Ադրբեջանի իսլամական կուսակցությունը», սակայն իշխանությունները մտավախություն ունեին, որ Իրանը կօգտագործի այդ կառույցը՝ ապակայունացնելու աշխարհիկությունը, և 1995-ին կուսակցությունն արգելվեց: Ադրբեջանում գործել է իրանամետ «Հիզբալլահի» մասնաճյուղ, որին իշխանությունները 2000-ին մեղադրեցին 1997թ. ադրբեջանցի գիտնական Զիա Բունիաթովի սպանության մեջ: 2001-ին իշխանությունները փակեցին իրանական բոլոր 22 մեդրեսները՝ կրոնական դպրոցները:

Զնայած Ադրբեջանը շիական պետություն է, սակայն կրոնական ինստիտուցիոնալիզմի տեսակետից նման չէ Իրանին: Այստեղ չկա շիա հոգևոր հիերարխիա, չկա *մարջա ալ-թակլիդ*՝ կրոնական սկզբնաղբյուր, որին հավատացյալները պետք է հղում անեն, Ադրբեջանի *շեյխու ուլ-իսլամը* դոգմաների և սուրբ օրենքների բացարձակ մեկնող չի համարվում: Այս «բացերով» է պայմանավորված այն հանգամանքը, որ իրանցի միսիոներները կարող էին ազդեցություն ձեռք բերել որոշ շիա շրջանակներում: Արդյունքում՝ մինչև 2000թ. իրանցի միսիոներները երկրից հեռացվեցին:

Այսօր Իրանի կրոնական ազդեցությունը շատ թույլ է, սակայն շարունակում են գործել «Իրանական մշակութային կենտրոնը» և «Իմամ Խոմեյնիի բարեգործական հիմնադրամը»: Ամենայն հավանականությամբ Իրանը կապեր է հաստատում Ադրբեջանի հարավում ապրող թալիշական փոքրամասնության հետ: Իրանական «Սոհար» հեռուստաալիքը, որ հեռարձակվում է նաև Ադրբեջանի հարավում, պարբերաբար խոսում է թալիշական փոքրամասնությունների իրավունքների մասին, քննադատում Բաքվի իշխանություններին:

Ադրբեջանի անկախությունից հետո առավել արմատավորվել է թուրքական սուննի իսլամը, քանի որ այն իշխանությունների կողմից ընդունելի ուղղություն է, համարժեք Ադրբեջանի աշխարհիկ պետության մոդելին: Ադրբեջանի իշխանությունները կրոնական հարցերում Թուրքիայի հետ ակտիվորեն համագործակցում են: Թուրքիան ֆինանսավորել է որոշ մզկիթների վերանորոգումը, մի շարք հոգևորականներ վերապատրաստվել են Թուրքիայում, Ադրբեջանից բազմաթիվ ուսանողներ են մեկնել Թուրքիա՝ սովորելու տեղի բարձրագույն իսլամական դպրոցներում: Բաքվի համար ընդունելի է թուրքական իսլամի մուսքը կառավարական խողովակներով, սակայն Ադրբեջանում գործում են նաև թուրքական պաշտոնականից դուրս շրջանակներ, որոնցից է Ֆեթուլլահ Գյուլենի շարժումը, մասնավորապես՝ Նուրսու խմբերը, որոնք 2007-ին Ալլահ Շյուքյուր Փաշազադեի կողմից հայտարարվել են «ոչ ցանկալի»:

Երրորդ բաժինը վերնագրված է «Անկախ իսլամական խմբեր», որում ներառված ա. «Սալաֆի խմբեր» ենթաբաժնում խոսվում է Բաքվի, Հյուսիսային Ադրբեջանի, սալաֆիների, իսլավորիզների մասին: Այստեղ թերևս ամենակարևորը Բաքվում գործող Աբու Բաքր մզկիթի

համայնքն է և նրա խարիզմատիկ առաջնորդը՝ Մատույան Արաբիայում կրթություն ստացած երիտասարդ Համեթ Մուլեյմանովը:

Երրորդ բաժնի հաջորդ՝ բենթաբաժինը կոչվում է «Անկախ շիաներ»: Դրանում հիմնականում շեշտադրված է Ջումա մզկիթի համայնքը, ներկայացված են այլ անկախ ուղղություններ, նաև՝ 2002 և 2006թթ. Նարդարանի դեպքերը:

Չորրորդ բաժինը, որ վերնագրված է «Պետության արձագանքը», բաժանված է հետևյալ ենթաբաժինների՝ ա. «Կրոնի պետական վերահսկում» (դրանում ներկայացված են «Օրենսդրական շրջանակ», «Կրոնական կազմակերպությունների գծով պետական հանձնաժողովը», «Կովկասի մահմեդականների վարչության բարեփոխումը» թեմաները) և բ.«Պետական ռեպրեսիաներ»:

Չորրորդ բաժնում ընդհանուր գծերով ներկայացվում են կրոնական ազատությունների և ինստիտուտների մասին օրենքում ամրագրված դրույթները, քննարկվում է իսլամի ու պետության փոխհարաբերությունների հարցը:

Եզրակացության մեջ արված են հետևյալ հետևությունները. անկախ կրոնական համայնքները, որոնք գործում են Կովկասի մահմեդականների վարչության վերահսկողությունից դուրս, իշխանության կամ էլ երկրի աշխարհիկ կենսակերպին վտանգ չեն ներկայացնում: Միննույն ժամանակ, չկա որևէ խումբ, որին կարելի է համարել *ջիհադական*: Մի քանի խմբեր, որոնք հրապարակավ խոսում են իսլամական պետության ստեղծման մասին, իրենց ծրագրերն իրականացնելու համար բավարար ռազմավարական հայեցակարգերի և գործադրման մեխանիզմների չեն տիրապետում: Իշխանությունները, սակայն, չափազանցում են իսլամիզմից եկող սպառնալիքները՝ հիմնավորելու ռեպրեսիաները և վերահսկելու կրոնական կյանքը, որը միտումներ ունի քաղաքականացվելու և արմատականանալու մասնավորապես կրոնականացված այն շրջանակներում, ովքեր բռնությունների են ենթարկվել ոստիկանության կողմից:

Նշվում է, որ կառավարությունը սկսել է ավելի մեծ տեղ տալ չափավորներին: Ասենք, մեծ ջանքեր պետք է գործադրվեն միջին տարիքի քաղաքացիների կրոնական կրթության կազմակերպման հարցում, հոգևորականները պետք է քաջալերվեն: Իսլամի և իսլամական ինստիտուտների վերաբերյալ պետք է հասարակական դիսկուրսներ կազմակերպվեն, որոնցում պետք է ներգրավվեն անկախ և պաշտոնական հոգևորականներ, գիտնականներ, ՀԿ ներկայացուցիչներ: Իրենց հերթին, անկախ կրոնական համայնքները, մասնավորապես սալաֆիական խմբերը, իրենց անդամներին պետք է նախազգուշացնեն ահաբեկչության և մարտնչող իսլամի հնարավորության մասին և պետք է երկխոսության մեջ լինեն պաշտոնական իսլամի և իշխանությունների ներկայացուցիչների հետ:

Հավելվածում գետեղված է Ադրբեջանի քարտեզը, ինչպես նաև Միջազգային ճգնաժամային խմբի գործունեության, նպատակների և աշխարհագրության մասին տեղեկություններ:

Միջազգային ճգնաժամային խմբի «Ադրբեջան. անկախ իսլամը և պետությունը» խորագրով զեկույցը մեզանում ունի գիտական, աղբյուրագիտական և գործնական կարևոր նշանակություն և օգնում է բացահայտել Ադրբեջանում իսլամական գործունի վերաբերող մի շարք իրողություններ:

Արաքս Փաշայան
«Նորավանք» ԳԿՀ

«ЗАГОВОР СЛАБЫХ»

Итоги голосования в Генеральной Ассамблее (ГА) ООН по резолюции «Положение на оккупированных территориях Азербайджана» (A/RES/62/243, 14 марта 2008г.) обнаружили интересные реалии по одной из наиболее актуальных тем в нынешней международной повестки дня. Провозглашение Косово суверенным государством и череда последовавших за этим признаний независимости данного образования со стороны некоторых стран скатализировали активность в других точках «самопровозглашенности».

Указанная активность применительно к нагорно-карабахскому конфликту привела к двум важнейшим развитиям ситуации, имеющим комплексный характер: Азербайджан сначала «в полевых условиях» проверил жизнеспособность провозглашенной еще в 1991г. Нагорно-Карабахской Республики (инцидент на линии прекращения огня с 3 на 4 марта этого года), а затем, убедившись в тщетности такого пересмотра сложившегося статус-кво, направил свои усилия на «дипломатическую стезю». Последние получили свою материализацию в виде принятия резолюции ГА ООН A/RES/62/243.

Содержательная часть данной резолюции настолько не выдерживает критики в отношении своей сбалансированности и хотя бы относительной объективности, выражающей реалии нынешнего этапа урегулирования и сложившегося баланса сил в регионе конфликта, что даже такие оппоненты в трактовке современных норм международного права, как США и Россия, выразили свое обоюдное мнение об «односторонности, несвоевременности и контрпродуктивности такого шага азербайджанской стороны» (оценка совместного заявления сопредседателей Минской группы ОБСЕ).

Мы хотели бы обратить внимание на весьма конкретную сторону вопроса, вытекающую из субъектного состава тех стран, которые так или иначе выразили свое мнение в процессе и по итогам голосования в ГА ООН.

В процессе обсуждения целесообразности принятия резолюции на пленарном заседании 62-й сессии ГА ООН 14 марта 2008г. после вступительного слова представителя Азербайджана, представившего текст резолюции и позицию своей страны, высказались полномочные представители других стран-членов ООН.

Представитель Словении, как нынешней страны-председателя Европейского союза, от имени членов ЕС дал критическую оценку резолюции, сводившуюся к тому, что «ЕС подтверждает свою поддержку всех без исключения принципам, установленных в рамках Минской группы, и ценит взгляд сопредседателей Минской группы». От лица ЕС представитель Словении призвал стороны «избегать любых действий, которые бы могли повысить напряженность и подорвать предпринимаемые услуги посредничества»¹.

Представители США и Франции выступили с идентичных позиций о «несбалансированности» текста резолюции по принципам, лежащим в основе нынешнего этапа процесса урегулирования конфликта. Представитель США несколько раскрыл рамки этих основ, указав на принципы «территориальной целостности, неприменения силы, равных прав всех пострадавших лиц и других принципов международного права». Важно указать, что представитель США связал вопрос целесообразности принятия резолюции с имевшим место за несколько дней до этого резким обострением ситуации на линии прекращения огня: «в то время как серьезные инциденты, приведшие к человеческим жертвам, имели место на линии соприкосновения, обе

¹ Здесь и далее используется стенограмма 86-го заседания 62-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН, <http://www.un.org/News/Press/docs/2008/ga10693.doc.htm>.

стороны должны воздерживаться от односторонних и излишних действий, будь то за столом переговоров или в регионе соприкосновения».

Последовавшие за этим выступления представителей Пакистана (от имени организации «Исламская конференция», ОИК), Украины, Китая, Турции в той или иной степени сводились с одной стороны к поддержке принятия резолюции, но с другой – к поддержке усилий Минской группы ОБСЕ в урегулировании конфликта.

В этой связи можно отметить противоречивость такой «комплементарной» позиции указанных стран: весьма сложно представить себе ситуацию, когда поддерживаешь усилия того институционального образования, которое четко высказалось против принятия резолюции и оценивает последнюю как помеху в общем процессе урегулирования конфликта, и одновременно высказываешься за целесообразность принятия данной резолюции.

Взявшая после Турции слово Армения подвергла обстоятельной критике предлагаемый текст резолюции и в очередной раз озвучила принципиальную позицию армянской стороны: «...народ Нагорного Карабаха не будет отброшен назад под защиту того правительства, которое санкционировало погромы и позже послало свою армию против него».

Попробуем сформулировать некоторые выводы, напрашивающиеся после субъектного ознакомления с тем, кто и как голосовал в момент принятия резолюции:

1. 39 стран, отдавших свой голос за принятие резолюции, – это страны, которые можно отнести к нескольким «группам интересов». Сюда входят преимущественно представители «группы исламской солидарности», страны-члены ОИК – 31 государство, а также страны, которые имеют в той или иной степени, с той или иной интенсивной выраженностью конфликты «самопровозглашенности», конфликты этнополитического свойства с потенциалом отделения от «материнского» государства. К этой «группе интересов» относятся Грузия, Камбоджа, Колумбия, Молдова, Мьянма, Сербия, Украина. Очевидно, что в рамках первой «группы интересов» есть государства, на решение которых проголосовать за резолюцию повлияли оба фактора – «исламская солидарность» и «внутренний сепаратизм», а точнее, наличие второго фактора плюс к первому перевесило «чашу» симпатий таких государств.

Несмотря на общую атмосферу доброжелательности к Армении со стороны арабского мира, приходится отметить, что большинство стран-членов Лиги Арабских Государств (15) проголосовало за принятие резолюции.

2. В числе 39-ти стран, отдавших свои голоса за резолюцию, присутствуют или «классические» образцы так называемых «несостоявшихся государств» («*failed states*») – Афганистан, Сомали, Судан, или потенциальные кандидаты, находящиеся на грани вхождения в эту своеобразную группу стран. Последние с весьма большой долей условности можно оценивать с позиций их международной правосубъектности и эффективности контроля за собственной «международно признанной» территорией.

Важнее подчеркнуть тот факт, что более половины государств в этой группе относятся к наиболее слабым государствам развивающегося мира, критерии и параметры которых получили свое подробное выражение в очень интересном докладе, сделанном в рамках одного их самых авторитетных аналитических центров мира – Института Брукингс (*Brookings Institution*). По этому критерию («слабость государства»), 17 стран из 39 проголосовавших за резолюцию относятся к «очень или весьма слабым» государствам по классификации *Brookings Institution*: с занимающего первое место в этом списке Сомали – до находящейся на 51 месте Гамбии¹.

Соответственно, большая часть стран, проголосовавших против резолюции или воздержавшихся при голосовании, относится к странам, находящимся в классификации *Brookings Institution* на позициях высоких показателей «стабильности» и «мощности».

3. Голосование по резолюции выявило тот факт, что страны, хотя и находящиеся в орбите плотного и интенсивного влияния со стороны наиболее крупных и могущественных государств

¹ См. Приложение.

мира, проголосовавших против принятия резолюции (три постоянных члена Совета Безопасности (СБ) ООН – США, Россия и Франция), выражали свое мнение, исходя из наличия внутренних проблем: Грузия, Украина, Афганистан, Ирак голосовали не так, как США; Сербия голосовала не так, как Россия; Сенегал голосовал не так, как Франция. Поэтому, с нашей точки зрения, не следует относиться, например, к факту голосования за резолюцию со стороны Грузии, как к проявлению недружественности или тем более враждебности к Армении. Нам уже давно следует исходить из того принципа, что «соседские отношения – это одно, а национальные интересы – это другое».

Трезвый анализ ситуации должен привести нас к осознанию необходимости более плотного диалога, в частности со странами постсоветского пространства, направленного на представление объективной картины вокруг нагорно-карабахского урегулирования. Тогда, возможно, мы не столкнемся с такими проявлениями позиций некоторых стран СНГ, которые входят наряду с нами в систему коллективной безопасности на постсоветском пространстве (ОДКБ), но голосуют по факту «исламской солидарности» или по другим соображениям подобного свойства (Узбекистан).

Здесь будет уместным отметить последние по времени усилия Азербайджана и Турции по приданию «межтюркскому диалогу» более конкретного и прагматичного вида. 21–22 февраля 2008г. в Турции (г.Анталья) прошло первое заседание Межпарламентского совета тюркоязычных государств. В заседании участвовали вице-спикеры парламентов Турции, Азербайджана, Казахстана и Киргизии (приглашенные для участия в заседании Туркменистан и Узбекистан не прислали своих представителей). По итогам заседания был подписан протокол о намерении создать Парламентскую ассамблею тюркоязычных государств (ПАТГ), а также представлен проект Устава Межпарламентского меджлиса тюркоязычных государств (ТЮРКПАМ). В проекте Устава ТЮРКПАМ в качестве одной из целей этого межгосударственного органа отмечена «выработка общих политических взглядов, организация общих мероприятий».

4. Голосование против резолюции трех стран – постоянных членов СБ ООН, еще раз подтверждает факт перспективности их «минской» площадки сотрудничества, которая может спроецировать свое конструктивное влияние на другие сферы нахождения точек соприкосновения, например, между США и Россией. Особого внимания заслуживает позиция Индии, голосовавшей в числе «отважной семерки» против резолюции, исходя из прогрессирующей мощи и авторитета этой региональной державы на международной арене.

5. Позицию ровно 100 государств, воздержавшихся при голосовании по резолюции, следует рассматривать как проявление их принципиальной поддержки усилиям всех сторон конфликта и задействованных в процессе урегулирования посредствующих субъектов. В нынешних международных реалиях весьма единичны случаи солидарности между постоянными членами СБ ООН, а рассматриваемую нами тему можно с уверенностью отнести именно к таким исключениям. Несмотря на то, что представитель Китая перед голосованием за текст резолюции высказался в целом с «азербайджаноцентричных» позиций (уважение и поддержка суверенитета и территориальной целостности Азербайджана)¹, его страна воздержалась при голосовании, как сделала это и Великобритания, которую трудно заподозрить в симпатиях к армянским интересам.

Помимо этого, позицию таких влиятельных стран в международных отношениях, чей потенциал мощи выходит за региональные рамки – Израиль, Казахстан, Япония, следует отнести к позитиву армянской стороны, особенно с учетом того, что первое из указанных государств не всегда (а точнее очень редко) занимает даже относительно проармянскую позицию, а второе

¹ Для нас важна следующая озвученная официальным Пекином точка зрения: «...ситуация весьма чувствительная. Она напрямую затрагивает не только отношения между Азербайджаном и Арменией, но и мир и стабильность во всем регионе Кавказа».

государство – Казахстан – является важным актором как в мире ислама, так и важнейшим субъектом в набирающем мощь регионе Центральной Азии.

6. Позицию некоторых стран, вовсе отсутствующих в момент голосования по резолюции (46 государств), также следует рассматривать в принципиальном ключе, подчеркивающим их особое мнение применительно к нагорно-карабахскому конфликту. Здесь для нас важна позиция Ирана, как нашего ближайшего соседа и одновременно одного из столпов в исламском мире в целом и в ОИК в частности, Ливана, Сирии, Кыргызстана, Туркменистана, Туниса, Таджикистана, хотя и являющихся членами ОИК, но сумевшими дистанцироваться от такого проявления «исламской солидарности».

Несмотря на то, что по итогам голосования за резолюцию ГА ООН A/RES/62/243 можно констатировать недостижение Азербайджаном предварительно ставимых им целей, тем не менее, сам факт того, что резолюция была принята, должен стать еще одним поводом для самого тщательного анализа дипломатических усилий Армении, которые, к сожалению, на нынешнем этапе находятся не на должном уровне. Приходится признать, что многие процессы вокруг необходимости придания нагорно-карабахскому вопросу справедливого и объективного образа на международной арене формируются при отсутствии эффективного дипломатического участия Армении, а относительная эффективность данных процессов находит свое проявление по инерции (общее благожелательное отношение к армянской государственности со стороны многих стран мира) и вне связи с нагорно-карабахским урегулированием.

Михаил Агаджанян

Индекс слабости государств развивающегося мира
(*Index of State Weakness in the Developing World*)¹

(показатели индекса из списка 141 государств: в диапазоне от 0,00 – наименьшего коэффициента, до 10.00 – наибольшего коэффициента соответствующего параметра)

Место	Страна	Политические параметры	Параметры безопасности	Экономические параметры	Социальные параметры	ВВП на душу населения (US \$)	Итоговый коэффициент
1	Сомали	0,00	1,37	0,00	0,70	226	0,52
2	Афганистан	2,08	0,00	4,51	0,00	271	1,65
4	Ирак	1,67	1,63	2,87	6,27	1134	3,11
6	Судан	2,06	1,46	5,05	4,59	81	3,29
13	Сьерра-Леоне	3,87	5,43	5,04	0,76	240	3,77
21	Нигер	4,69	7,33	5,45	0,94	260	4,60
27	Уганда	4,55	4,89	5,78	4,23	300	4,86
28	Нигерия	3,51	5,37	5,39	5,24	640	4,88
30	Йемен	3,64	6,43	5,80	4,85	760	5,18
31	Коморские острова	4,20	8,18	4,24	4,20	660	5,20
33	Пакистан	3,52	4,69	6,58	6,13	770	5,23
34	Камбоджа	3,00	7,18	6,33	4,57	480	5,27
36	Узбекистан	1,78	6,66	5,20	7,54	610	5,30
38	Джибути	3,69	8,21	5,05	4,29	1060	5,31
47	Колумбия	5,79	1,78	5,84	9,11	2740	5,63
48	Бангладеш	3,97	6,55	6,08	5,98	480	5,64
51	Гамбия	4,54	8,29	5,26	5,06	310	5,79
...
80	Азербайджан	3,36	7,06	7,85	7,89	1850	6,54
...
105	Армения	4,73	8,23	7,97	8,44	1930	7,34

¹ Susan E. Rice, Stewart Patrick, Index of State Weakness in the Developing World, The Brookings Institution, http://www.brookings.edu/reports/2008/02_weak_states_index.aspx.

Полная версия доклада: http://www.brookings.edu/reports/2008/~media/Files/rc/reports/2008/02_weak_states_index/02_weak_states_index.pdf.

ВОПРОС ГЕНОЦИДА АРМЯН КАК ИНСТРУМЕНТ ДАВЛЕНИЯ ИЗРАИЛЯ

В конце марта – начале апреля обсуждения в Кнессете вокруг возможного признания Геноцида армян в Турции вызвали большой скандал как в стране, так и за ее пределами. Основная борьба шла между двумя депутатами: Зеэвом Элькином и Йосефом Шагалом.

26 марта Кнессет впервые принял принципиальное решение о том, что тема Геноцида армян будет обсуждаться одной из комиссий израильского парламента. После этого, уже с 1 апреля началось обсуждение того, в какой именно комиссии должно в дальнейшем идти рассмотрение этого вопроса.

Предложение изначально было внесено депутатом Хаимом Ороном (МЕРЕЦ). Зеэв Элькин («Кадима») предложил рассмотреть данную тему в комиссии по образованию и культуре. В тоже время Йосеф Шагал («Наш Дом – Израиль») предложил, чтобы этот вопрос был заслушан в комиссии по внешним делам и обороне. Идея Элькина была дать вопросу культурологический и исторический смысл, в то же время Шагал делал упор на политическом и военном аспектах проблемы в свете возможных ухудшений отношений с Турцией.

Обсуждения вылились в скандальную перепалку между Элькином и Шагалом. При этом Шагал откровенно шантажировал: «Ситуация такова: сегодня в Азербайджане живет 20.000 евреев. Реально, двадцать тысяч. Это еврейская община, у которой очень хорошие отношения с местной властью, с местным народом. Они традиционно хорошо относились к евреям, никогда антисемитизма там не было. Но народ горячий, да? Для Азербайджана и Турции Геноцид армян – это красная тряпка... Все, что может за этим последовать – от разрыва дипломатических отношений, до (не дай Бог) каких-то эксцессов в Азербайджане – это все на совести тех людей, которые выносят это предложение, не понимая, что за ним стоит. Если понимают, то просто на чисто популистском уровне... Я ясно излагаю свою мысль?» В целом можно видеть, что Шагал использует риторику, которую уже применяли в Анкаре: угрозы физической безопасности евреев, проживающих в стране.

В данном вопросе следует также учитывать не только недовольство Турции, но и фактор Азербайджана, который лоббирует интересы Анкары в антиармянских вопросах. Йосеф Шагал является выходцем из этой страны и активно лоббирует интересы Баку, являясь руководителем межпарламентской группы дружбы «Израиль-Азербайджан». Отметим, что 12 апреля исполнился год со дня создания международной ассоциации Израиль-Азербайджан «АзИз», генеральным директором которой является Лев Спивак.

По словам самого Спивака, за год образовались 14 городских отделений этой организации во всех крупных городах Израиля. Членами «АзИз» стали более 10 тыс. семей выходцев из Азербайджана. 31 декабря в Израиле был открыт азербайджанский культурный центр, который уже успел провести ряд мероприятий, посвященных множеству событий, которые теперь отмечаются в Азербайджане как дни геноцидов. Филиалы этой организации открылись также и в Германии и Голландии.

Азербайджан, как всегда, в вопросе геноцида оказался впереди Турции. Так, азербайджанский депутат Фазиль Газанфароглу заявил: «Если Израиль признает Геноцид армян, мы сделаем все, что в наших силах, чтобы был принят документ в связи с политикой геноцида палестинских арабов. На этот раз виновной в принятии нами такого шага станет израильская сторона».

Для Израиля Турция продолжает оставаться важным союзником в регионе, если не самым важным и основным из региональных держав. Как секулярная страна, в определенной степени противостоящая арабскому вектору в регионе, Турция жизненно необходима израильскому государству. Не говоря уже об экономических и других факторах, включая, например, исполь-

зование турецкого небесного пространства для тренировок израильских военных летчиков. В этом плане, несмотря на то, что с моральной точки зрения именно евреи должны были первыми признать Геноцид армян, с практической точки зрения именно Израиль, находящийся в сложнейшем геополитическом положении, не может этого сделать.

В то же время ситуация в регионе динамично меняется. Обсуждения в Кнессете стоит рассматривать в контексте очередного использования вопроса геноцида в политических целях. В последнее время в мире все чаще тема преступления против человечности становится орудием шантажа по отношению к тем или иным государствам. Ярким примером этого стал последний скандал, развернувшийся вокруг Международного трибунала по бывшей Югославии. Бывший прокурор Гаагского трибунала в мартовском интервью итальянскому изданию *La Stampa*, касаясь вопроса признания Косово, отметила: «Глубокий раскол наблюдается в Европе и не только. Это явно политический вопрос. Трибунал не должен был бы вникать во все это. Но мы осознаем, что в настоящий момент политика занимает центральное место во всех этих делах». И буквально через несколько дней трибунал оправдал косовского экс-премьера Рамуша Харадиная, который обвинялся в преступлениях против человечности.

Геноцид армян также активно используется сегодня для политического давления на Анкару. В этом же контексте стоит рассматривать появление этого вопроса в Кнессете. Отношения между Тель-Авивом и Анкарой в последнее время довольно непростые. Турция из-за курдского вопроса стала все более сближаться с кровными врагами Израиля – Ираном и Сирией. Кроме того, есть опасения, что турецкое общество будет продолжать двигаться в направлении исламского фундаментализма и сменит прозападный вектор, что полностью противоречит интересам Израиля.

Одним из симптомов напряженности в отношениях между Тель-Авивом и Анкарой стал факт поддержки в прошлом году ряда еврейских лоббистских организаций в США требований армян по признанию Геноцида со стороны официального Вашингтона. Тогда же турецкие власти напрямую пригрозили Израилю, предупредив, что не смогут в случае чего гарантировать безопасность евреев в Турции.

Израиль использует на данный момент мягкие формы давления на Турцию, в том числе и периодическое выдвигание на первый план вопроса геноцида. Правительство официально однозначно поддерживает Анкару, однако в то же время вопрос поднимается через другие структуры, будь это лоббисты за рубежом либо парламентарии. Поэтому ожидать, что Кнессет в ближайшее время примет резолюцию по Геноциду армян не приходится. Как и в случае с США, в ближайшее время этот вопрос будет постоянно использоваться Тель-Авивом для определенного давления на Анкару.

Самвел Мартиросян

ՀՈՐԴԱՆԱՆ. ԱՊԱԳԱ ՏԱՐԱԾԱՇՐՁԱՆԱՅԻՆ ԿԵՆՏՐՈՆ

2008թ. ապրիլի 11-16-ը Հորդանանի մայրաքաղաք Ամանում տեղի ունեցավ միջազգային էներգետիկ անվտանգության հիմնախնդիրներին նվիրված գիտաժողով՝ կազմակերպված Նիդեռլանդների թագավորության Գրոնինգեն նահանգի և Հորդանանի կառավարության կողմից: Ստորև ներկայացված դիտարկումները Հորդանանում և տարածաշրջանում տեղ գտած քաղաքական զարգացումների շուրջ՝ կոնֆերանսի ընթացքում, ինչպես նաև մեր անձնական շփումների արդյունքում ձեռք բերված տեղեկատվության և վերլուծությունների արդյունք են:

Հորդանանը տարածաշրջանի ամենաարագ զարգացող պետություններից մեկն է: Վերջին մի քանի տարիների ընթացքում երկրում արձանագրվում է 3-7 տոկոս տնտեսական աճ, որը բավական դրական արդյունք է մի երկրի համար, որը գրկված է բնական հումքի շատ թե քիչ նշանակալի պաշարներից: Երկրի զարգացման հիմնական գրավականը կարելի է համարել ներքաղաքական կայունությունը, որն ապահովվում է ոչ միայն ներքին, այլ նաև արտաքին գործոնի միջոցով: 1994 թվականից Հորդանանը հրաժարվել է Իսրայելի դեմ կազմակերպված պայքարից, երկու պետությունների միջև կնքվել է միջպետական պայմանագիր փոխադարձ ճանաչման մասին, որից հետո Իսրայելն ու ԱՄՆ-ը սկսել են մեծ ջանքեր գործադրել Հորդանանում կայունությունը պահպանելու համար: ԱՄՆ-ը Հորդանանի հիմնական տնտեսական գործընկերն է և մեծ ծավալի ներդրումներ է իրականացնում Կարմիր ծովի ափին գտնվող Աքաբա նավահանգստի շուրջ ստեղծված Ազատ տնտեսական գոտում: Այստեղ, թեև արաբական և միջազգային ընկերությունների անվան տակ, բայց ակտիվ տնտեսական գործունեություն են ծավալել նաև իսրայելցի գործարարները: Համաձայն Հորդանանի համալսարանի ռազմավարական հետազոտությունների կենտրոնի տվյալների՝ Իսրայելի պետական և մասնավոր ընկերությունների ուղղակի և անուղղակի ներդրումները Հորդանանի տնտեսության մեջ կազմում են ավելի քան \$1 մլրդ և ունեն հետագա աճի բավական կարևոր նախադրյալներ:

Վերջին երկու տարվա ընթացքում Հորդանան են տեղափոխվել մի շարք կարևոր արաբական ֆինանսական և առևտրական տներ, որոնց գլխամասային ընկերությունները նախկինում տեղակայված են եղել Լիբանանի մայրաքաղաք Բեյրութում: Միննույն ժամանակ, 2003-ից ի վեր դեպի Հորդանան սկսել է նաև մարդկանց և կապիտալի հոսք Իրաքից: Մինչև 2007թ. վերջը Հորդանանի ղեկավարությունը գրեթե անարգել թույլ էր տալիս Իրաքի քաղաքացիներին տեղափոխվել Հորդանան: Հիմնականում Աման տեղափոխվելու նպատակով վերջին տարիների ընթացքում Իրաքը լքել են շուրջ 100.000 իրաքցիներ¹: Այս թվաքանակի մեջ ընդգրկված են ոչ միայն փախստականներ, այլ նաև իրաքցի մեծահարուստներ, որոնք գերադասել են լքել Իրաքի տարածքն անվտանգության նկատառումներից ելնելով: Մի հորդանանցի դասախոս այս հարցի շուրջ կես կատակ-կես լուրջ ասաց. «Հորդանան են գալիս այն իրաքցի մեծահարուստները, որոնք ժամանակին այնքան լավ են եղել Ս.Հունեյնի հետ, որ միլիոններ են դիզել, սակայն այնքան լավ չեն շիաների և ամերիկացիների հետ, որ այդ միլիոնները պահեն Իրաքում»: Որքան էլ տարօրինակ է, սակայն այս կիսալուրջ գնահատականը ավելի քան ճշգրիտ է բնորոշում իրաքցի մեծահարուստների Հորդանան տեղափոխվելու գործընթացի պատճառները:

Վերջին տասնամյակի ընթացքում դեպի Հորդանան կապիտալի և գործարարների հոսք սկսվել է նաև Սաուդյան Արաբիայից: Այս գործընթացի արդյունքում բավական մեծ թվով սաուդա-հորդանանական համատեղ ձեռնարկություններ են ստեղծվել, որոնցից ամենամեծը

¹ Բուն Հորդանանի բնակչությունը կազմում է մոտ 6 միլիոն մարդ:

Հորդանանի Արաբական Բանկն է, որն ամբողջովին գտնվում է սաուդյան թագավորական ընտանիքի վերահսկողության ներքո և Հորդանանի խոշորագույն ֆինանսական տունն է հանդիսանում:

Կարելի է ասել, որ Հորդանանը դառնում է տարածաշրջանային կարևորագույն ֆինանսական և տնտեսական կենտրոններից մեկը: Դրանով հետաքրքրված են նաև ԱՄՆ-ը և Իսրայելը, որոնց համար պետք է դրական լինի արաբական աշխարհում նոր կենտրոնի առաջացումը, մանավանդ որ այդ կենտրոնի իշխանությունները վարում են արևմտամետ քաղաքականություն և բնականոն հարաբերությունների մեջ են Իսրայելի հետ: Բուն ԱՄՆ-ը և Արևմուտքը լուրջ քայլեր են ձեռնարկում Հորդանանի տնտեսական և քաղաքական ազդեցության աճը խրախուսելու համար: Օրինակ.

1. Համաշխարհային բանկը հավանություն է տվել Ամանի մոտ նոր՝ 1 միլիոն բնակչություն ունեցող քաղաքի շինարարության նախագծին: Այս մասին կոնֆերանսի մասնակիցներին հայտնեց Հորդանանի քաղաքաշինության նախարարը: Նա ասաց նաև, որ միայն Համաշխարհային բանկից քաղաքի կառուցման համար ստացվելու է \$5 մլրդ, իսկ ընթացիկ տարվա վերջին սկսվելիք շինարարական աշխատանքները պետք է ավարտվեն 5 տարվա ընթացքում: Նախարարն ասաց, որ քաղաքը լինելու է գերժամանակակից, և նրա համար էլեկտրաէներգիան արտադրվելու է միայն վերականգնվող էներգետիկայի (քամի, արև, գեոթերմալ) աղբյուրներից: Միևնույն ժամանակ, քաղաքում բնակարաններ ձեռք բերելու և դրանք ազատ տնօրինելու իրավունք են ունենալու ոչ միայն Հորդանանի, այլ նաև հարևան երկրների բոլոր քաղաքացիները:
2. Հորդանանի թագավոր Աբդալլայի ապրիլի 12-ի որոշման համաձայն՝ ստեղծվել է Հորդանանի միջուկային էներգիայի գործակալություն, որը պետք է իրականացնի միջուկային հետազոտություններ և ծրագրեր, այդ թվում՝ ուրանի հանքարդյունահանման և վերամշակման աշխատանքների կազմակերպում, միջուկային ատոմակայանների շինարարություն: Այս բոլոր աշխատանքներին աջակցելու մասին հայտարարություններ են արել ԱՄՆ, Մեծ Բրիտանիայի, Ֆրանսիայի (նախագահ Ն.Մարկոզիի մակարդակով) և Գերմանիայի իշխանությունները: Սա շատ կարևոր փաստ է, քանի որ առաջին անգամ միջուկային, այդ թվում նաև ուրանի հարստացման ծրագրեր են իրականացվելու Իսրայելին այդքան մոտ գտնվող արաբական երկրում: Սա, հնարավոր է, խոսում է այն մասին, որ Արևմուտքը Հորդանանը դիտարկում է որպես տարածաշրջանում ռազմավարական դաշնակից, որի կայունությունը նաև արևմտյան իշխանությունների հոգսն ու շահն է դառնալու:

Հասարակական գործընթացները Հորդանանում նույնպես ուշադրության են արժանի: Նշենք, որ հորդանանցիները բավական հանդուրժողական են օտարների և այլադավանների նկատմամբ, ինչն էլ ավելի հրապուրիչ է դարձնում Հորդանանի թագավորությունը տարածաշրջանի հարուստների, ձեռնարկատերերի, մտավորականության և ազգային համայնքների համար: Հորդանանի հայ համայնքի հիմնախնդիրներին կանդրադառնանք առանձին հոդվածով, այժմ նշենք միայն, որ Հորդանան են տեղափոխվում նաև բազմաթիվ հայ և այլ քրիստոնյա ընտանիքներ Լիբանանից և Սիրիայից: Սա, իհարկե, հետևանք է, առաջին հերթին, երկրի կայունության և հասարակության հանդուրժողականության:

Ամփոփելով կարելի է նշել, որ Հորդանանն այսօր տարածաշրջանային խոշոր քաղաքական, ֆինանսական և տնտեսական կենտրոն դառնալու բավական մեծ հնարավորություններ ունի: Սա անդրադառնալու է ոչ միայն տարածաշրջանի, այլ նաև տարածաշրջանի ազգային ու կրոնական համայնքների կենսագործունեության և ապագայի վրա:

Մեակ Սարուխանյան
«Նորավանք» հիմնադրամ

БУДУЩЕЕ АМЕРИКАНСКОГО ВЕЛИКОДЕРЖАВИЯ¹

Как Америке пережить «взлет» других государств

22 июня 1897г. примерно у 400 миллионов человек по всему земному шару - или у 25% населения планеты - был выходной. Праздновалась шестидесятая годовщина восшествия королевы Виктории на британский престол. Торжества - на суше и на море - по случаю «брильянтового» юбилея растянулись на пять дней, но их кульминацией стали военный парад и благодарственный молебен 22 июня. Присутствовали премьер-министры 11 британских доминионов, а также принцы, герцоги, послы и посланники всех государств мира. Среди 50000 солдат, прошедших перед ними в парадном строю, были гусары из Канады, кавалеристы из Нового Южного Уэльса, карабинеры из Неаполя, верблюжья конница из индийского Биканера, и гурки из Непала. Один историк уподобил происходящее «древнеримскому триумфу».

В Лондоне восьмилетний Арнольд Тойнби (*Arnold Toynbee*), сидя на плечах у дяди, увлеченно наблюдал за парадом. Позднее, уже став самым знаменитым историком своего времени, он вспоминал: в этот великий день, казалось, даже солнце «застыло в зените». «Я помню тогдашнее настроение, - продолжал Тойнби. - Он было таким: «Что ж, мы первая держава мира, и, достигнув этой вершины, мы не покинем ее никогда. Конечно, есть такая штука - история, но история - это неприятности, которые происходят с другими. С нами-то, уж будьте уверены, ничего подобного произойти не может»».

Но конечно «история» не обошла вниманием Британию. И потому перед сверхдержавой нашей эпохи стоит вопрос: настигнет ли она и США? Или может быть уже настигла? Точных аналогий на свете не бывает, но именно Британская империя в зените могущества - наиболее близкий исторический аналог сегодняшнего положения Соединенных Штатов на мировой арене. И размышляя над тем, затронут ли США силы перемен, и если да, то каким образом, стоит обратить самое пристальное внимание на опыт Британии.

Он во многом перекликается с современностью. Так, у недавних американских интервенций в Сомали, Афганистане и Ираке были свои предшественники - много десятилетий назад британские войска вторгались в те же самые страны. Основополагающая стратегическая дилемма единственного игрока подлинно мирового масштаба всегда одинакова. Однако между тогдашней Британией и нынешними Соединенными Штатами есть и фундаментальные различия. Когда первая пыталась поддерживать свой сверхдержавный статус, ей приходилось решать в первую очередь экономические, а не политические задачи. Для Америки же все обстоит с точностью до наоборот.

За счет дальновидных стратегических решений и искусной дипломатии Британии удавалось десятилетиями поддерживать и даже усиливать свое влияние в мире. В конечном итоге, однако, она ничего не смогла поделать с тем, что ее превосходство - связанное с динамичным экономическим и техническим развитием - быстро тает. Упадок британского могущества был благороден - но неуклонен. Проблема, с которой сегодня сталкиваются США - совершенно иного плана. Американская экономика, несмотря на нынешний кризис, в основе своей остается динамичной, по крайней мере, по сравнению с другими странами. Американское общество не утратило энергии. Разладилась политическая система США - именно она не в состоянии провести относительно простые реформы, способные обеспечить стране чрезвычайно стабильное будущее. Кроме того, Вашингтон, похоже, почти не осознает, что ситуация в мире меняется, и никак не проявляет способности переориентировать внешнеполитический курс в соответствии с требованиями новой эпохи.

¹ Данная статья представляет собой фрагменты его книги «Постамериканский мир» (*The Post-American World*). <http://www.inosmi.ru/print/241108.html>, <http://www.inosmi.ru/print/241159.html>.

Закат Pax Britannia

Сегодня масштабы Британской империи даже трудно себе представить. В зените могущества она охватывала четвертую часть суши, а ее подданные составляли четверть населения планеты. Сеть колоний, доминионов, баз и портов, подвластных Лондону, покрывала весь земной шар. На защите империи стояли Королевские ВМС – величайший военный флот в истории; ее земли соединяли 170000 миль телеграфных кабелей, проложенных по морскому дну, и 662000 миль подземных и наземных телеграфных линий. Британцы способствовали созданию первой глобальной коммуникационной сети – телеграфной. Железные дороги и каналы (важнейшим из них был Суэцкий) усиливали взаимосвязанность экономической системы. За счет всего этого Британской империи удалось создать первый в истории подлинно глобальный рынок.

Американцы любят поговорить о привлекательности своей культуры и идей, но на деле родоначальницей «мягкого влияния» стала Британия. Историк Клаудио Велис (Claudio Veliz) указывает, что в 17 веке обе имперские державы того времени – Британия и Испания – занимались экспортом своих идей и методов в колонии Западного полушария. Испания стремилась утвердить в Новом Свете контрреформацию, Британия хотела, чтобы там расцвели религиозный плюрализм и капитализм. Как выяснилось, британские идеи носили более «общечеловеческий» характер. Можно даже сказать, что Британия была самым успешным «экспортером» собственной культуры в истории человечества. Задолго до «американской мечты» уже существовал «английский образ жизни» – за ним следили, им восхищались, ему подражали во всем мире. Кроме того, благодаря Британской империи английский стал одним из языков международного общения – на нем говорили от Карибского бассейна до Кейптауна и Калькутты.

К июню 1897г. все это осознавалось еще не полностью, но уже во многом. Не только сами англичане сравнивали Британскую империю с Римом. Парижская Figaro объявила: «Держава, правящая народами и направляющая их интересы в Канаде, Австралии, Индии, китайских морях, Египте, Центральной и Южной Африке, Атлантике и Средиземноморье, несомненно, сравнялась с Римом, а то и превзошла его». Берлинская Kreuz-Zeitung назвала империю «практически неуязвимой». На другом берегу Атлантики New York Times заходила от восторга: «Мы – часть, и важная часть Большой Британии, которой судьба столь явно предназначала господствовать над нашей планетой».

Однако величие Британии было не столь прочным, как казалось. Всего через два года после «брильянтового юбилея» империя вступила в Англо-бурскую войну – конфликт, который многие историки называют началом заката британского могущества. Лондон был уверен в легкой победе. В конце концов, только что британская армия триумфально завершила похожий конфликт с «дервишами» в Судане, несмотря на то, что вдвое уступала противнику числом. В битве при Омдурмане «дервиши» всего за пять часов потеряли 48000 человек, а британцы – только 48 солдат. Многие в Британии считали, что одолеть боров будет еще проще. Ведь, как выразился один из депутатов парламента, речь шла о противостоянии между «Британской империей и 30000 фермеров».

Утверждалось, что война ведется ради благородной цели – защиты прав англоязычного населения республик Трансвааль и Оранжевая, к которым буры относились как к гражданам второго сорта. В то же время, Лондон не оставил без внимания тот факт, что после открытия месторождений золота в этом регионе в 1886г. на долю этих республик приходилось 25% его общемировой добычи. В любом случае, буры нанесли превентивный удар, и в 1899 г. война началась.

Однако она сразу же приобрела неприятный для Британии оборот. Ее контингент превосходил противника числом, был лучше вооружен, а руководили им самые выдающиеся полководцы империи, включая героя Омдурмана лорда Китченера. Но буры были полны решимости защищать свою землю, хорошо знали местность, и успешно применяли партизанскую тактику, основанную на внезапности и скорости передвижения. Подавляющее военное превосходство британской армии в этих условиях сводилось на нет, и ее командование перешло к жестоким репрессиям, – сжигало деревни, сгоняло гражданское население в концлагеря (первые в исто-

рии) - а также отправляло в Африку все новые подкрепления. Под конец против 45000 бурских ополченцев Британия выставила 450000 солдат.

Буры не могли сдерживать натиск британцев до бесконечности, и в 1902 г. вынуждены были капитулировать. Однако по сути Британия войну проиграла. Она потеряла убитыми и ранеными 45000 человек, израсходовала полмиллиарда фунтов, до предела напрягла силы своих сухопутных войск; конфликт выявил чудовищную некомпетентность и коррупцию в ее военных структурах. Более того, жестокая тактика британцев испортила репутацию империи в глазах всего мира. Внутри страны все это создало - или выявило - глубокие разногласия относительно роли Британии в мире. На международной арене все остальные великие державы - Франция, Германия, США - негативно отнеслись к действиям Лондона. «Они остались без друзей» - так отозвался о британцах в 1902 г. историк Лоуренс Джеймс (Lawrence James).

Теперь перенесемся в сегодняшний день. Другая великая держава, обладающая неодолимой военной мощью, без труда одерживает победу в Афганистане, а затем начинает другую, столь же легкую, по ее мнению, войну - с изолированным режимом Саддама Хусейна в Ираке. Результат: молниеносная победа на поле боя, за которой следует долгая, трудная борьба, сопровождающаяся множеством политических и военных просчетов, и встречающая активное противодействие на международной арене. Аналогия между Америкой и Британией, между иракской и Англо-бурской войной очевидна - и в свете этого будущее Америки выглядит мрачно. Действительно, независимо от того, чем закончится конфликт в Ираке, он уже обошелся Соединенным Штатам очень дорого. Война истощает силы Америки, отвлекает ее внимание от других проблем, перенапрягает возможности армии, пятнает ее имидж. «Деструктивные государства» вроде Ирана и Венесуэлы и великие державы вроде Китая и России извлекают преимущества из невнимания и неудач Вашингтона. Знакомая тема упадка имперского могущества вновь всплыла на поверхность. История снова вступает в свои права.

Долгое прощание

Однако при всем очевидном сходстве тогдашняя и нынешняя ситуации на самом деле различаются. Британия была странной сверхдержавой. Историки написали сотни книг, объясняя, как Лондон мог избежать упадка, если бы не сделал тех или иных внешнеполитических шагов. Нужно было избежать войны с бурами, утверждают одни. Не надо было лезть в Африку, говорят другие. Историк Найелл Фергюсон (Niall Ferguson) высказывает «еретическое» предположение: не вступи Британия в Первую мировую войну (а без ее участия она, возможно, вообще не стала бы мировой), ей бы наверно удалось сохранить свой великодержавный статус. Доля правды в этой аргументации есть (Первая мировая война разорила Британию в финансовом плане), но чтобы увидеть все это в должном историческом контексте, следует поменять угол зрения. Британия создала гигантскую империю благодаря уникальному стечению обстоятельств. И удивляться следует не тому, что она пришла в упадок, а тому, что британская гегемония продлилась так долго. И если мы поймем, как Британия использовала свои козыри, - со временем становившиеся все слабее - это может прояснить вопрос о том, каким образом Соединенным Штатам следует двигаться вперед.

Богатой страной Британия была не одно столетие (и большую часть этого периода числилась в рядах великих держав), но экономической сверхдержавой стала всего на четверть века. Многие наблюдатели ошибочно датируют апогей ее мощи пышными «имперскими» событиями вроде «Бриллиантового юбилея». На деле же к 1897 г. лучшие годы Британии были уже позади. Зенитом ее могущества стал более ранний период - 1845-1870 гг. Тогда на долю Британии приходилось более 30% общемирового ВВП. По энергопотреблению она в пять раз превосходила Соединенные Штаты, и в 155 раз - Россию. Она обеспечивала 25% мирового товарооборота, и две пятых торговли промышленными товарами. При этом население Британии составляло лишь 2% жителей планеты.

К концу 1870-х гг. США сравнялись с Британией по большинству показателей промышленного производства, а в первой половине 1880-х - уже обогнали ее, как это сделает Германия 15

годами позже. К началу Первой мировой войны по объему ВВП Америка превосходила Британию в два раза; больше британского был и совокупный национальный доход Франции и России. В 1860г. на долю Британии приходилось 53% общемирового производства металлургической продукции (тогда это считалось главным показателем промышленной мощи); к 1914 г. - менее 10%.

В политическом плане к началу Первой мировой войны Лондон, конечно, все еще являлся «столицей мира»; никто не мог сравниться с ним по влиянию, и во многих регионах мира это влияние никем особенно не оспаривалось. Британия создала свою империю еще до зарождения национализма, а потому она без особого труда завоевывала и обеспечивала контроль над обширными территориями. Ее морская мощь не имела себе равных, и к тому же Британия сохранила господствующие позиции в таких сферах, как банковское дело, морские перевозки, страховой бизнес и инвестиции. Лондон по-прежнему был финансовым центром планеты, а фунт оставался мировой резервной валютой. Даже в 1914 г. Британия вложила за рубежом вдвое больше капиталов, чем ее главный конкурент в этой области, - Франция - и в пять раз больше, чем Соединенные Штаты. Прибыли от этих инвестиций и иных «неосязаемых источников дохода» отчасти создавали впечатление, что ее экономическая мощь по-прежнему незыблема.

На деле же британская экономика катилась по наклонной плоскости. В последние десятилетия перед Первой мировой войной среднегодовые темпы экономического роста в стране не составляли и 2%. В то же время аналогичные показатели для США и Германии достигали примерно 5%. Британия, оказавшаяся в авангарде первой Промышленной революции, не сумела вовремя подключиться к второй. Товары, которые она производила, воплощали скорее вчерашний, чем завтрашний день. В 1907г., к примеру, в стране изготовлялось в четыре раза больше велосипедов, чем в США, но в 12 раз меньше автомобилей.

Ученые спорят о причинах упадка Британии, собственно, чуть ли не с того времени, как этот упадок начался. Некоторые ищут ответа в геополитике, другие - в экономических факторах, таких, как недостаточные инвестиции в строительство новых предприятий и оборудование, и напряженные отношения между трудом и капиталом. Британский капитализм оставался косным и старомодным, промышленность по-прежнему основывалась на небольших мануфактурах с участием квалифицированных ремесленников, а не крупных фабриках, получивших распространение в Германии и США. Проявлялись и проблемы «общекультурного» плана. В богатой Британии все меньше внимания уделялось прикладному образованию, а общество сохраняло полуфеодалный оттенок из-за наличия земельной аристократии.

Впрочем, ни один из этих изъянов, возможно, не имел решающего значения. Историк Пол Кеннеди (*Paul Kennedy*) объясняет, что гегемония Британии в 19 столетии была порождена весьма необычным стечением обстоятельств. С учетом ее «портфеля могущества» - географического положения, численности населения, сырьевых ресурсов - доля Британии в общемировом ВВП должна была бы составлять 3-4 %, но на деле она превышала эту цифру примерно в 10 раз. И когда воздействие этого уникального стечения обстоятельств ослабло - в других западных странах началась индустриализация, произошло объединение Германии, а в Соединенных Штатах разрешился конфликт между Севером и Югом - упадок британского могущества стал делом предрешенным. Британский государственный деятель Лео Эмери (*Leo Amery*) четко понимал это еще в 1905 г. «Как могут наши маленькие острова долго удерживать свои позиции перед лицом столь огромных и богатых империй, в которые превращаются Соединенные Штаты и Германия? - задавал он риторический вопрос. - Как можем мы, с нашим сорокамиллионным населением, соперничать с государствами, где оно вдвое больше?» Сегодня, наблюдая за «взлетом» Китая, аналогичным вопросом задаются многие американцы.

После утраты экономической гегемонии Британии удалось сохранить положение ведущей мировой державы еще на многие десятилетия благодаря сочетанию дальновидной стратегии с умелой дипломатической тактикой. Осознав, что соотношение сил на международной арене меняется, Лондон принял важнейшее решение, надолго продлившее его влияние в мире: он предпочел приспособиться к «взлету» Соединенных Штатов, а не пытаться ему противодействовать. После 1880 г. Британия по ряду вопросов раз за разом шла на уступки все более напористому Вашингтону.

Лондону было нелегко передавать «бразды правления» собственной бывшей колонии, стране, с которой он дважды воевал, и где в ходе недавней гражданской войны он сочувствовал сепаратистам. Однако в стратегическом плане это был мастерский ход. Если бы Британия, в добавление к другим своим заботам на международной арене, попыталась еще и противодействовать росту американского могущества, это ее бы полностью обескровило. При всех ошибках, допущенных Лондоном за следующие полвека, его стратегия в отношениях с Вашингтоном - которой неукоснительно придерживалось любое правительство страны начиная с 1890-х гг. - позволяла Британии сосредоточить внимание на других важнейших направлениях. Так, она сохраняла свой статус «владычицы морей», контролируя большие и малые морские коммуникации за счет владения, как тогда говорилось «пятью ключами» от планеты - Сингапуром, мысом Доброй надежды, Александрией, Гибралтаром и Дуврским проливом.

Многие десятилетия усилия Британии по поддержанию контроля над своей империей и сохранению влияния в мире встречали сравнительно слабое противодействие. (В рамках мирного урегулирования после окончания Первой мировой войны она увеличила территорию империи на 1,8 миллиона квадратных миль и приобрела 13 миллионов новых подданных, в основном за счет Ближнего Востока). Тем не менее, разрыв между ее политическим влиянием и экономическим потенциалом продолжал расширяться. К началу 20 столетия содержание колониальной империи превратилось в тяжелейшее бремя для государственной казны. А ситуация уже не позволяла ей «жить на широкую ногу». В экономике Британия все больше сдавала свои позиции. Первая мировая война обошлась ей в 40 с лишним миллиардов долларов, и страна, некогда пользовавшаяся заслуженной репутацией «кредитора номер один» в мире, к ее окончанию накопила долгов, составлявших 136% от своего годового ВВП. К середине 1920-х гг. только на процентные выплаты по этой задолженности уходило до половины государственного бюджета. В то же время к 1936 г. военные расходы Германии превысили британские в три раза. В том же году, когда Италия вторглась в Эфиопию, Муссолини направил в Ливию 50000 солдат - этот контингент в десять раз превосходил по численности британские войска, охранявшие Суэцкий канал. Именно эти обстоятельства - в сочетании с еще свежими воспоминаниями о мировой войне, унесшей жизни 700000 молодых британцев - побуждали Лондон, столкнувшийся в 1930-х гг. с угрозой со стороны фашизма, отдавать предпочтение иллюзиям и политике умиротворения перед конфронтацией.

Последний гвоздь в гроб британского экономического могущества забила Вторая мировая война: в 1945 г. по объему ВВП США превзошли Британию в десять раз. Но даже в этот период Лондон сохранил потрясающую способность влиять на события - как минимум отчасти благодаря сверхчеловеческой энергии и честолюбию Уинстона Черчилля. С учетом того, что львиная доля финансовых издержек Антигитлеровской коалиции приходилась на Соединенные Штаты, а больше всего потерь на фронтах несли русские, лишь необычайная политическая воля позволяла Британии оставаться одной из трех держав, определявших послевоенное устройство мира. (Совместные фотографии Франклина Рузвельта, Иосифа Сталина и Черчилля на Ялтинской конференции в феврале 1945 г. никого не должны вводить в заблуждение: «большой тройки» в Ялте уже не было - в этой встрече участвовала «большая двойка» плюс мастер политического покера, сумевший сохранить для себя и своей страны место за карточным столом).

Но и за это пришлось заплатить свою цену. В обмен на кредиты Лондону к США перешли десятки британских баз в Канаде, Карибском бассейне, Индийском и Тихом океанах. «Британская империя передается американскому ростовщику - нашей единственной надежде», - заметил по этому поводу один из депутатов парламента. Экономист Джон Мейнард Кейнс назвал ленд-лиз попыткой «вырвать глаза у Британской империи». Другие наблюдатели, настроенные не столь эмоционально, осознавали, что этот процесс неизбежен. Тойнби, к тому времени уже ставший выдающимся историком, утешал соотечественников, отмечая: «рука» Вашингтона «будет отнюдь не так тяжела, как рука России, Германии или Японии, а других альтернатив, как я понимаю, не существует».

Предпринимательская империя

Британия утратила статус мировой державы не из-за неправильной политики, а из-за изъянов экономики. Более того, можно сказать, что впечатляющее искусство, с которым Лондон разыгрывал свои слабеющие козыри несмотря на десятилетний экономический упадок, может послужить важным уроком для Соединенных Штатов. Для начала, однако, необходимо отметить, что главного фактора, обусловившего крушение британского могущества – необратимого ослабления экономических позиций – Америке сегодня, в общем, опасаться нечего. Преобладание Британии в мировой экономике продолжалось считанные десятилетия – американское же лидерство в этой сфере длится уже 120 лет. Экономика США заняла первое место в мире еще в середине 1880-х гг., и сохраняет его по сей день. Более того, с тех пор доля США в общемировом ВВП остается практически на одном и том же уровне. За исключением непродолжительного периода, – второй половины 1940-х и 1950-х гг. – когда другие промышленно развитые страны еще не оправались от войны и Америка давала половину общемирового ВВП, доля США уже более ста лет составляет примерно четверть от его объема (32% в 1913 г., 26% в 1960 г., 22% в 1980 г., 27% в 2000 г. и 26% в 2007 г.). В ближайшие 20 лет она скорее всего уменьшится, но незначительно. Согласно большинству оценок, в 2025 г. американская экономика по-прежнему будет вдвое превосходить китайскую с точки зрения номинального ВВП.

Это различие между Соединенными Штатами и Британией проявляется и в сфере военных расходов. Британия была владычицей морей, но отнюдь не суши. Ее сухопутные войска были настолько немногочисленны, что Отто фон Бисмарк как-то сострил: если британская армия вторгнется в Германию, он прикажет местной полиции ее арестовать. При этом преобладание Британии на морях – по тоннажу ее ВМС превосходили флоты двух следующих по мощи военно-морских держав – требовало чудовищных расходов. Американские вооруженные силы, напротив, занимают первое место в мире по всем направлениям, – на суше, море, в воздухе и космосе – а военный бюджет США превышает оборонные расходы 14 других наиболее мощных держав вместе взятых, и составляет почти 50% общемировых расходов на эти цели. Кроме того, в НИОКР военного назначения Вашингтон вкладывает больше средств, чем все другие страны мира вместе взятые. И, что самое важное, эти затраты не ложатся на страну непосильным бременем. Сегодня оборонные расходы США составляют 4,1% от ВВП, т.е. меньше, чем на протяжении почти всего периода «холодной войны» (при президенте Эйзенхауэре они достигали 10%). По мере увеличения валового внутреннего продукта страны она может позволить себе такие затраты на эти цели, которые в прошлом сломали бы ее «финансовый хребет». Войну в Ираке можно считать трагедией или борьбой за правое дело, но в любом случае она не доведет Соединенные Штаты до банкротства. «Счет» за Ирак и Афганистан – 125 миллиардов долларов в год – не достигает и 1% от ВВП страны. Для сравнения: в 1970 г. война во Вьетнаме обошлась Америке в 1,6% ВВП. (Ни в один из этих процентных показателей не включены военные издержки второго и третьего порядка, что позволяет осуществить их объективное сравнение, даже если конкретные цифры вызывают споры).

При этом преобладание США в военной сфере – не основа, а производная от их экономического потенциала. Его подпитывает экономическая и техническая база страны, которая и сегодня выглядит чрезвычайно сильной. Да, США сейчас сталкиваются с самыми серьезными, глубокими и масштабными проблемами за всю свою историю, и они несомненно утратят некоторую часть своей доли в общемировом ВВП. Но этот процесс никоим образом не будет напоминать скольжение Британии по «наклонной плоскости» в 20 столетии, когда страна лишилась лидирующих позиций в таких сферах, как инновации, энергия и предпринимательский дух. Американская экономика сохранит свой живой, динамичный характер, и останется на переднем крае новых революций в науке, технологиях и промышленности.

Чтобы понять, что ждет Соединенные Штаты в новой обстановке, для начала следует просто оглянуться по сторонам: ведь это будущее уже окружает нас. Глобализация уже два десятка лет развивается вглубь и вширь. Все больше стран налаживает товарное производство, раз-

витие коммуникационных технологий выравнивает условия игры, капиталы свободно перемещаются по планете - и Соединенные Штаты извлекают из этих тенденций массу преимуществ. В американскую экономику вкладываются сотни миллиардов долларов, американские компании весьма успешно осваивают новые рынки и отрасли. Несмотря на то, что двадцать лет курс доллара был чрезвычайно высок, сокращения американского экспорта не произошло, а сегодня Всемирный экономический форум оценивает экономику США как самую конкурентоспособную в мире. В течение последних 25 лет среднегодовой рост ВВП в Соединенных Штатах превышал 3%, что существенно превосходит аналогичные показатели Европы и Японии. Рост производительности труда - этот живительный эликсир современной экономики - уже десять лет превышает 2,5%, что на целый процентный пункт выше средней цифры по Европе. Возможно, превосходство США по темпам роста сегодня сходит на нет, и в ближайшие несколько лет их динамика будет больше напоминать ситуацию в других передовых промышленно развитых странах. Но общий тезис - о том, что, несмотря на свои огромные размеры, экономика США отличается высокой динамичностью и инновационностью - сохраняет актуальность.

Возьмем, к примеру «отрасли будущего». В ближайшие 50 лет развитие нанотехнологий (сферы прикладной науки, связанной с управлением материей на атомном и молекулярном уровне) обернется мощнейшими прорывами, и именно США господствуют в этой области. По количеству специализированных «наноцентров» Америка превосходит три другие лидирующие в этой сфере страны (Германию, Британию и Китай) вместе взятые; кроме того, американцы запатентовали больше открытий в области нанотехнологий, чем все остальные страны мира - что свидетельствует об их потрясающем умении превращать абстрактную теорию в конкретную продукцию. Биотехнологии (общая категория, охватывающая применение биологических систем для создания медицинской, сельскохозяйственной и промышленной продукции) - другое направление, где Соединенные Штаты занимают господствующие позиции. Доходы от практического применения биотехнологий в США приблизились в 2005 г. к 50 миллиардам долларов - эта цифра в пять превышает европейский показатель, и составляет 76% от общемировых доходов в этой сфере.

Промышленное производство, конечно, уходит из страны - оно перемещается в развивающиеся государства, превращая американскую экономику в «изготовителя услуг». Это пугает многих американцев, побуждая их задаваться вопросом: что же будет производить их страна, если на всех товарах появится клеймо «сделано в Китае»? Однако развитие обрабатывающих отраслей в странах Азии следует воспринимать в контексте глобальной экономики. Корреспондент *Atlantic Monthly* Джеймс Феллоуз (*James Fallows*) провел год в Китае, наблюдая за его промышленным «локомотивом» вблизи, и убедительно обосновал тезис о том, что аутсорсинг лишь укрепляет конкурентоспособность американской экономики. Все дело в том, что самые большие деньги дает не само изготовление, а разработка и сбыт продукции - т.е. сферы, где США по-прежнему господствуют. Наглядным примером в этой связи служит iPod: большинство их изготавливается за пределами Соединенных Штатов, но основная добавленная стоимость от этого достается компании Apple.

Многих экспертов и ученых, и даже кое-кого из политиков, беспокоят некоторые статистические данные, не сулящие Соединенным Штатам ничего хорошего. Так, рост накоплений в Америке равен нулю, дефицит текущего баланса, внешнеторговый дефицит и дефицит бюджета весьма высоки, медианные доходы не увеличиваются, а обязательства государства в сфере соцобеспечения становится все труднее выполнять. Все эти проблемы вполне законно вызывают озабоченность, и решать их необходимо. Но необходимо помнить, что многие статистические индикаторы, на которые часто ссылаются, либо дают приблизительное представление о положении дел в экономике, либо попросту устарели. Немалая часть из них разрабатывалась еще в конце 19 века, и призвана была отражать ситуацию в индустриальной экономике с невысоким уровнем трансграничной активности, и они малопригодны для современного народного хозяйства, действующего в условиях взаимосвязанного глобального рынка.

Так, последние двадцать лет уровень безработицы в США находится на весьма низком уровне, что, по мнению экономистов, должно было привести к раскручиванию инфляции, но этого не произошло. А вот еще пример - дефицит текущего баланса США в 2007 г. достиг 800 миллиардов долларов, или 7% ВВП - а ведь считалось, что уже на уровне 4% ВВП он должен привести к экономическому краху. Нынешний дефицит текущего баланса действительно опасно высок, но отчасти его уровень можно объяснить тем, что в мире наблюдается избыток накоплений, а Соединенные Штаты остаются чрезвычайно стабильной и привлекательной для инвесторов страной. Сокращение же объема личных сбережений, как указывает экономист Ричард Купер (*Richard Cooper*) из Гарвардского университета, в основном компенсируется ростом корпоративных накоплений. Кроме того, инвестиционная ситуация в США будет выглядеть куда благополучнее, если мы учтем расходы не только на материальные активы и жилье, но и на образование и НИОКР.

Конечно, Соединенные Штаты сталкиваются с серьезными проблемами. По всем расчетам система медицинского страхования Medicare угрожает «взорвать» федеральный бюджет. Переход от профицита к бюджетному дефициту за период 2000-2008 гг. тоже чреват серьезными последствиями. Кроме того, «визитной карточкой» новой эпохи стал рост неравенства, вызванной появлением «экономики знаний», усложнением технологий и глобализацией. Но наибольшую тревогу, пожалуй внушает тот факт, что американцы берут в долг 80% избыточных накоплений всего мира, и тратят эти деньги на потребление: они распродают свои активы иностранцам, чтобы выпить в день две лишние чашки кофе. Но эти проблемы следует оценивать в контексте общего состояния экономики, которая остается мощной и динамичной.

Лидер в сфере образования

«Хорошо, - возразят те, кого мои доводы не успокоили. - Но все, что вы описываете - это «моментальный снимок», отражающий ситуацию на сегодняшний день. Однако все преимущества США быстро тают, поскольку страна утрачивает научно-техническую базу и переживает неуклонное падение культурного уровня». Народ, некогда приверженный протестантской этике «отложенного вознаграждения», сегодня стремится к удовольствиям здесь и сейчас, утверждают эти люди; американцы утратили интерес к основам - математике, производству, усердному труду, сбережениям, мы превращаемся в общество, специализирующееся на потреблении и досуге

Казалось бы, самым наглядным свидетельством их правоты могут служить статистические данные об упадке, который переживают в США инженерные специальности. В 2005 г. Национальная Академия Наук обнародовала доклад, содержащий предупреждение о том, что США могут скоро утратить положение мирового лидера в области технических наук. Там отмечалось, что в 2004г. китайские ВУЗы выпустили 600000 дипломированных инженеров, индийские - 350000, а американские - 70000. В дальнейшем эти цифры бесчисленное множество раз повторялись в статьях, книгах и выступлениях. И действительно, на первый взгляд подобные сравнительные данные должны просто приводить в отчаянье. На что могут надеяться США, если на одного дипломированного инженера-американца приходится более десятка китайских и индийских? Кроме того, говорится в докладе, на зарплату одного американского химика или инженера любая компания может нанять пятерых химиков из Китая или 11 инженеров из Индии.

Эти цифры, однако, нельзя считать корректными. Несколько журналистов и ученых изучили вопрос поглубже, и быстро обнаружили, что в данные по двум азиатским странам включены и выпускники двух- или трехгодичных курсов, где студенты обучаются лишь выполнению простых технических задач. По оценке Национального научного фонда (*National Science Foundation*), анализирующего подобные статистические данные по США и другим странам, китайские ВУЗы выпускают в год 200000 специалистов-инженеров, а Рон Хайра (*Ron Hira*) из Рочестерского технологического института считает, что в Индии число таких

дипломников составляет 125000 в год. Таким образом, в пересчете на душу населения в США готовится больше специалистов-инженеров, чем в Китае или Индии.

Кроме того, эти данные не отражают такой аспект, как качество подготовки. Наиболее талантливые студенты в Китае и Индии - например те, кто оттачивает свои знания в знаменитых индийских Технологических институтах (вступительные экзамены в них успешно сдают 5000 из 300000 абитуриентов) достигли бы высот в любой системе образования. Но за пределами этих элитных учебных заведений - а они выпускают не более 10000 специалистов в год - качество высшего образования в Китае и Индии остается крайне низким: именно поэтому столько молодых людей из этих стран отправляется учиться за рубеж. В 2005г. Институт глобальных исследований при корпорации *McKinsey (McKinsey Global Institute)* изучил «формирующийся глобальный рынок рабочей силы», выяснив, что 28 стран с низкими среднедушевыми доходами располагают примерно 33 миллионами молодых специалистов. Однако, как отмечалось в исследовании, «лишь немногие из потенциальных соискателей рабочих мест могут успешно трудиться в иностранных компаниях», в основном из-за недочетов в образовании.

На самом деле, высшее образование - самый важный козырь США. Ни в одной другой сфере их преимущество не выглядит столь подавляющим. В докладе, подготовленном в 2006г. лондонским Центром европейских реформ (*Centre for European Reform*), указывается, что Соединенные Штаты инвестируют в высшее образование 2,6% ВВП; для сравнения - соответствующие показатели Европы и Японии составляют, соответственно, 1,2 и 1,1%. По различным оценкам, на долю США, чье население составляет 5% жителей планеты, приходится семь или восемь из десяти лучших университетов мира, и от 48 до 68% университетов, занимающих первые 50 мест в мировом рейтинге. Особенно впечатляюще выглядит потенциал Америки в области точных наук. Если в Индии ежегодно защищается 35-50 диссертаций по вычислительной технике и информатике, то в Соединенных Штатах - до 1000. В списке ВУЗов, где получали образование 1000 лучших специалистов мира в области компьютерных наук, десять наиболее часто встречающихся - американские университеты. США также намного опережают другие страны в плане привлекательности для студентов: на их долю приходится 30% молодых людей, учащихся за рубежом; по уровню сотрудничества между деловым сообществом и образовательными учреждениями Америка также не имеет равных в мире. Все эти преимущества скорее всего сохранятся - поскольку европейская и японская система высшего образования, в основном огосударствленная и управляемая чиновниками - вряд ли претерпит серьезные изменения. Что же касается Китая и Индии, то там активно открываются новые ВУЗы, но создать с нуля университет мирового класса за несколько десятилетий весьма нелегко.

Тех, кто считает, что начальное и среднее образование в Америке заслуживает столь же высокой оценки, наберется немного. Согласно общепринятому мнению, эта сфера охвачена кризисом, и в международных рейтингах американские школьники год за годом занимают довольно низкие места - особенно с точки зрения знаний по математике и естественным наукам. Однако эти статистические данные, точные сами по себе, на деле отражают нечто немного иное. Реальная проблема в стране связана не со знаниями как таковыми, а с доступом к ним. В рамках стандарта «Международные тенденции в обучении математике и естественным наукам» (*Trends in International Mathematics and Science Study (TIMSS)*), используемому для сравнения образовательных программ в различных странах, Соединенные Штаты занимают место в самой середине списка. В СМИ это известие, как и следовало ожидать, подали, явно сгущая краски. *Wall Street Journal*, к примеру, снабдила статью на эту тему следующим заголовком: «Экономическая бомба с часовым механизмом: американские подростки - среди худших по математическим знаниям» (*"Economic Time Bomb: U.S. Teens Are Among Worst at Math"*).

Однако за совокупными рейтинговыми показателями кроются глубокие вариации по регионам, расовой принадлежности и социально-экономическому положению. Знания учеников из бедных семей и представителей этнических меньшинств сильно недотягивают до средних показателей по США, и в то же время, как отмечается в одном исследовании, «школьники из богатых пригородов находятся почти на одном уровне со сверстниками из Сингапура - госу-

дарства, которое с большим отрывом лидирует в рейтингах *TIMSS* по математике». Разница между среднестатистическими показателями по естественным наукам в бедных и богатых школьных округах США в пять раз превышает разрыв между совокупными показателями Соединенных Штатов и Сингапура. Другими словами, главная проблема американского школьного образования связана с неравенством. Со временем это перерастет в проблему конкурентоспособности: если Америка не сможет обеспечить трети работоспособного населения достаточный уровень подготовки для успешной конкуренции в условиях «экономики знаний», это потянет страну вниз. Но по крайней мере сама методика качественного обучения школьников существует.

Возможно, американская система школьного образования слишком «либеральна» в том, что касается дисциплины и «зубрежки», но зато она отлично приучает мыслить самостоятельно. Несомненно, именно этой особенностью частично объясняется тот факт, что в Соединенных Штатах так много предпринимателей, изобретателей, людей, готовых идти на риск. Тарман Шанмугаратнам (*Tharman Shanmugaratnam*), до недавних пор занимавший пост министра просвещения Сингапура, объясняет разницу между системой образования в его стране и США: «И ваша, и наша система на первое место ставит способности. Но у вас акцент делается на таланте, у нас - на успеваемости. Мы знаем, как научить человека хорошо сдавать экзамены. Вы умеете сполна задействовать его врожденные способности. И то, и другое важно, но некоторые свойства интеллекта не слишком хорошо выявляются экзаменами - такие, как творческая жилка, любознательность, авантюризм, амбициозность. Главная черта американской образовательной культуры - способность бросить вызов общепринятому мнению, даже если это означает вызов авторитетам». Именно по этой причине чиновники из сингапурского Министерства просвещения недавно побывали в американских школах - они хотели позаимствовать опыт создания системы, воспитывающей и вознаграждающей изобретательность, сообразительность, и умение решать конкретные проблемы. «Простое наблюдение показывает, что у вас ученики активнее участвуют в процессе, их не просто «кормят с ложечки» целый день», - заметил один из членов сингапурской делегации в интервью *Washington Post*. Таким образом, если в Америке восхищаются способностью школьников из азиатских стран получать высшие баллы на экзаменах, то представители самих этих государств пытаются на американском опыте понять, как научить своих детей думать.

Серая зона

Преимущества Соединенных Штатов, пожалуй, представляются очевидными, если речь идет о сравнении с Азией - страны этого континента по-прежнему относятся в основном к разряду развивающихся. Однако, если речь идет о Европе, наш «отрыв» далеко не так велик, как представляется многим американцам. Страны зоны евро переживают впечатляющий рост - с точки зрения ВВП на душу населения они не уступают темпам развития США с 2000г. В Европу поступает половина общемирового объема инвестиций, там высока производительность труда, а положительное внешнеторговое сальдо Евросоюза за 10 месяцев 2007г. составило 30 миллиардов долларов. В Мировом рейтинге конкурентоспособности (*Global Competitiveness Index*), составляемом Всемирным экономическим форумом, семь из первых 10 позиций занимают европейские страны. У Европы, конечно, есть свои проблемы - высокая безработица, негибкий рынок труда, но по сравнению с США она может похвастаться и кое-какими преимуществами - в том числе более эффективными и финансово устойчивыми системами здравоохранения и пенсионного обеспечения. В общем и целом, именно Европа в краткосрочной перспективе является наиболее серьезным экономическим конкурентом Соединенных Штатов.

В то же время позиции Европы существенно ослабляет одно обстоятельство. Точнее даже, у Соединенных Штатов есть одно важнейшее преимущество перед европейскими странами и большинством других развитых государств. Для Америки характерен динамичный рост населения. По оценке Николаса Эберстада (*Nicholas Eberstadt*) из Американского института предпринимательства (*American Enterprise Institute*), к 2030г. население США увеличится на 65

миллионов, в то время как в Европе его численность останется «буквально на том же уровне, что и сейчас». В Европе, отмечает Эберстадт, «к тому времени количество пожилых граждан старше 65 в два с лишним раза превысит количество детей в возрасте до 15 лет, что в будущем чревато самыми серьезными последствиями с точки зрения «старения населения». (Чем меньше рождается детей, тем меньше в дальнейшем станет численность рабочей силы). В Соединенных Штатах, напротив, количество детей по-прежнему будет превосходить число пенсионеров. Согласно оценке Управления ООН по вопросам населения, соотношение между людьми трудоспособного возраста и пенсионерами в Западной Европе к 2030г. сократится с нынешних 3,8:1 до 2,4:1. В США это соотношение тоже сократится - но с 5,4:1 до 3,1:1».

Реально Европа способна избежать такого результата лишь за счет увеличения притока иммигрантов. На деле уже в 2007г. рождаемость среди коренных европейцев снизилась до уровня, не обеспечивающего простое воспроизводство населения, так что даже поддержание его нынешней численности потребует некоторого увеличения приема иммигрантов. Для того же, чтобы оно росло, приток иммигрантов должен быть гораздо больше. Однако общество в странах Европы, похоже, не готово к ассимиляции представителей чужих и незнакомых культур, особенно из отсталых сельских регионов исламского мира. Вопрос о том, кто здесь виноват - иммигранты или общество - в данном случае значения не имеет. Так или иначе, факт остается фактом: Европа готова принимать все меньше иммигрантов, при том, что ее экономическое будущее зависит от увеличения их количества. Соединенные Штаты, с другой стороны, превращаются в первую в мире «общечеловеческую страну» - здесь в относительной гармонии проживают и работают вместе люди всех цветов кожи, рас и вероисповеданий. Достаточно вспомнить, что на нынешних президентских выборах в качестве кандидатов выступают или выступали чернокожий, женщина, мормон, испаноязычный, и американец итальянского происхождения.

Как это ни удивительно, во многих странах Азии (Индия в данном случае исключение) демографическая ситуация складывается так же, или даже хуже, чем в Европе. Уровень рождаемости в Китае, Японии, Южной Корее и на Тайване - гораздо ниже необходимого для воспроизводства населения (2,1 ребенка на одну женщину), и, по оценкам, в течение ближайших 50 лет крупнейшие страны Восточной Азии должны столкнуться с существенным сокращением количества граждан трудоспособного возраста. В Японии их численность уже прошла пиковый рубеж; к 2010 работающее население этой страны сократится на 3 миллиона по сравнению с 2005г. В следующем десятилетии этот же рубеж, скорее всего пройдут Китай и Южная Корея. По прогнозу Goldman Sachs к 2050 г. медианный возраст в Китае увеличится с 33 лет (показатель 2005г.) до 45 - т.е. его население серьезно «постареет». При этом с иммигрантами в азиатских странах возникает не меньше проблем, чем в Европе. Японию в перспективе ждет значительный дефицит рабочей силы, поскольку она не желает ни принять достаточное количество иммигрантов, ни позволить женщинам полноценно действовать на рынке труда.

Последствия старения населения весьма существенны. Во-первых, увеличивается «пенсионное бремя» - меньшее количество работающих должно поддерживать большее число пожилых. Во-вторых, как продемонстрировал экономист Бенджамин Джонс (Benjamin Jones), большинство наиболее видных изобретателей (в том числе подавляющее большинство нобелевских лауреатов) сделало самые важные открытия в возрасте от 30 до 44 лет. Другими словами, сокращение численности работоспособного населения оборачивается меньшим количеством «прорывов» в науке, технике, и методах управления. В-третьих, если средний возраст работающих увеличивается, их расходы начинают превышать сбережения - со всеми вытекающими отсюда последствиями для уровня накоплений и инвестиций в стране. В общем, для передовых промышленно развитых стран негативные демографические тенденции - смертельно опасная болезнь.

Потенциальные преимущества, которые имеются у Соединенных Штатов на сегодняшний день, во многом стали результатом притока иммигрантов. Без иммиграции рост ВВП США в последние 25 лет не превышал бы европейских показателей. Уровень рождаемости среди коренных белых американцев тоже не выше, чем у европейцев. До 50% исследователей, специализирующихся на естественных науках, составляют иностранные студенты и иммигранты; в

2006 г. на их долю пришлось 40% всех присвоенных в США докторских степеней в области естественных и технических наук, и 65% степеней в области вычислительной техники и информатики. К 2010 г. иностранцы будут составлять более 50% людей, получающих докторские степени в США по всем дисциплинам, а в естественных науках их доля приблизится к 75%. Среди основателей половины всех новых компаний в Силиконовой долине есть либо иммигрант, либо американский гражданин в первом поколении. Одним словом, потенциальный новый взлет производительности труда в Соединенных Штатах, лидерство страны в области нанотехнологий и биотехнологий, ее инновационный потенциал - все это зависит от иммиграционной политики. Если люди, получившие образование в Америке, и дальше будут оставаться в стране, то именно здесь они и реализуют свои инновационные способности. Если же они будут возвращаться на родину, этот потенциал покинет США вместе с ними.

Иммиграция также придает Соединенным Штатам одно качество, редкое для богатой страны - динамизм. Америка нашла способ постоянного обновления за счет притока людей, стремящихся построить новую жизнь в Новом Свете. У некоторых американцев иммигранты всегда вызвали беспокойство - сначала ирландцы, потом итальянцы, китайцы, мексиканцы. Но именно они составляли становой хребет американского рабочего класса, а их дети и внуки успешно пробивались наверх. Америке удастся использовать их энергию, справляться с культурным многообразием, ассимилировать новопривывших, и за счет этого продвигать экономику вперед. В конечном итоге, именно этим страна отличается от Британии и других великих экономических держав прошлого, «накапливавших жирок», поддававшихся инертности, и сдававших позиции другим - «голодным» и энергичным государствам.

Как важно учиться у других

В 2005 г. Нью-Йорк разбудил «сигнал тревоги». Из 25 крупнейших IPO, проведенных в этом году, лишь одно состоялось на американской бирже. Эта новость прозвучала как гром с ясного неба. Американский рынок капитала долгое время был крупнейшим в мире. Именно он профинансировал поворот в обрабатывающей промышленности в 1980-х и технологическую революцию в 1990-х, а сегодня питает прогресс в сфере биотехнологий. Постоянное развитие этого рынка придавало гибкость американскому бизнесу. Так что, если Соединенные Штаты утрачивают столь важное преимущество, ничего хорошего это не сулит.

В ходе обсуждения этой проблемы основное внимание уделяется ужесточению норм государственного регулирования в США после скандала с корпорацией Enron, - прежде всего Закону Сарбейнса-Оксли¹ - а также тому факту, что компании, действующие на территории США, постоянно сталкиваются с угрозой судебных исков. Все эти препоны вполне реальны, но не они являются главной причиной, по которой бизнес «бежит» из Америки. В основе своей деловая атмосфера осталась такой же, как и прежде. Но в дело все активнее вступают новые игроки. Так что на самом деле причина здесь, как и в других сферах, проста: экономический «взлет» других государств. Общая сумма акций, ценных бумаг, вкладов, кредитов и других финансовых инструментов - финансовых активов, одним словом - в США по-прежнему превышает их объем в любом другом регионе, однако рост этих активов в других странах происходит гораздо быстрее. Особенно это относится к динамично развивающимся государствам Азии, но и страны зоны евро уже обгоняют Соединенные Штаты. Совокупные доходы стран ЕС, полученные за счет банковского дела и торговли акциями, - в 2005 г. они составили 98 миллиардов долларов - уже почти эквивалентны американским. Если же речь идет о новых производных продуктах, основанных на базовых финансовых инструментах, таких как акции или процент-

¹ Sarbanes-Oxley Act - закон, принятый в 2002г., существенно ужесточил требования к финансовой отчетности компаний, чьи акции котируются на американских биржах. Он предусматривает, в частности, жесткий контроль над аудиторскими комитетами компаний, уголовную ответственность руководителей за ошибки или искажения в финансовых отчетных документах, а также обязательное использование внешних аудиторов - последнее вынуждает корпорации нести большие дополнительные расходы.

ные выплаты, - а они играют все большую роль в деятельности хеджевых фондов, банков и страховых компаний - то здесь Лондонская биржа уже стала основным игроком. Все это - элементы общей тенденции. Перед отдельными компаниями и целыми странами теперь открываются более широкие возможности, чем когда-либо раньше.

На этом направлении, как и на других, дела у США идут не хуже, чем обычно. Америка действует в этой сфере, как действовала всегда - возможно, подсознательно полагая, что по-прежнему лидирует с большим отрывом. Американские законодатели при разработке законов, норм регулирования, экономической политики редко думают о других странах. От американских чиновников нечасто услышишь упоминания о мировых стандартах. В конце концов, уже много лет американские стандарты играли роль мировых, и если США решали поступать не так, как другие, их международный вес вынуждал другие страны учитывать «исключительность» Америки. Так, только Соединенные Штаты (вместе с Либерией и Мьянмой) не желают переходить на метрическую систему. Америка - единственная (если не считать Сомали) страна мира, не ратифицировавшая Конвенцию о правах ребенка. В бизнесе США незачем было на кого-то ориентироваться. Они сами учили весь мир, как «жить по-капиталистически». Но теперь все страны играют в «американскую игру», и начинают выигрывать.

В течение последних 30 лет ставки корпоративных налогов в США были самыми низкими среди крупных промышленно развитых стран. Сегодня Америка занимает второе место по их высоте. При этом в Соединенных Штатах ставки не повышались - просто другие страны их снизили. Германия, к примеру, традиционно придерживавшаяся политики высокого налогообложения, сократила свои ставки в ответ на аналогичные шаги соседей с востока - Австрии и Словакии. Сегодня в Первом мире подобное «соревнование» приобретает все большее распространение. Это не «гонка уступок» инвесторам, - в скандинавских странах, например, высокие налоги сочетаются с качественными услугами и мощной динамикой развития - а поиск рычагов роста. Раньше система регулирования в США отличалась большей гибкостью и «дружелюбием к рынку», чем где-либо еще. Теперь это не так. В 2001г. произошла реструктуризация системы финансового регулирования в Британии, в результате чего множество надзорных органов было заменено одной структурой. Это стало одной из причин, по которым финансовый сектор Лондона сегодня по некоторым показателям опережает Нью-Йорк. Все британское государство задействовано в энергичных усилиях по превращению Лондона в один из ведущих финансовых центров мира. По всему миру - от Варшавы до Шанхая и Мумбая - системы регулирования меняются, чтобы сделать страну более привлекательной для инвесторов и предпринимателей. Вашингтон же, напротив, не жалеет времени и сил для разработки новых схем налогообложения Нью-Йорка, чтобы перераспределить его доходы в интересах других регионов страны.

Когда вы очень долго занимаете первое место, у этого престижного положения появляется и обратная сторона. Рынок США был настолько велик, что американцы считают само собой разумеющимся - остальной мир из кожи вон вылезет, чтобы понять его и их. Они не считали необходимым поступать так же - изучать чужие языки, культуру, рынки. И сегодня это может отрицательно сказаться на конкурентоспособности США. Возьмем для примера превращение английского в язык международного общения. Американцы этим довольны, поскольку в результате им легче путешествовать по свету и заниматься бизнесом за рубежом. Но одновременно этот процесс дает иностранцам понимание сразу двух культур и рынков, а также доступ к ним. Они знают английский, но кроме него - еще и родной китайский, хинди или португальский. Они могут действовать как на американском рынке, так и на внутреннем - китайском, индийском или бразильском. Американцы же, в отличие от них, так и не выработали в себе способности проникать во внутренний мир других народов.

Америка свыклась с ролью лидера. Она не заметила, что в большинстве других промышленно развитых стран - да и во многих из тех, что не входят в эту категорию - система мобильной связи сегодня лучше, чем в самих Соединенных Штатах. Сетевые технологии во всех других промышленно развитых странах - от Канады и Франции до Японии - теперь работают быстрее и

дешевле, а по охвату широкополосным интернетом (в пересчете на душу населения) Америка занимает 16 место в мире. Американские политики постоянно твердят гражданам: единственное, что нам может дать изучение систем здравоохранения за рубежом - это чувство благодарности, что у нас она не такая. Американцы редко оглядываются по сторонам, подмечая возможности и варианты, альтернативные нашим собственным - не говоря уже о том, чтобы их перенять.

Необходимость учиться у других - уже не просто вопрос морали или политики. Она все больше становится вопросом конкурентоспособности. Возьмем хотя бы автомобильную промышленность. С 1894г. более ста лет большая часть машин, изготавливаемых в Северной Америке, производилась в Мичигане. Однако с 2004 г. его место заняла канадская провинция Онтарио. Причина проста: система здравоохранения. В США автомобилестроительные компании должны платить за медицинское обслуживание и страхование одного рабочего 6500 долларов в год. Если же они перенесут свое производство в Канаду, где действует государственная система здравоохранения, их расходы на эти цели сокращаются до 800 долларов на одного рабочего. Приведенный пример - не реклама организации медицинской помощи в Канаде, но он наглядно показывает: издержки, связанные с американской системой здравоохранения, возросли настолько, что нанимать американских рабочих становится просто невыгодно. Рабочие места перемещаются не в страны с низким уровнем зарплат, а в государства, где есть хорошо подготовленная и образованная рабочая сила: бизнесменов интересует не низкая оплата труда, а продуманная система соцобеспечения, не противоречащая их интересам.

Десятилетиями у американских промышленников - будь то автомобилестроительные, металлургические компании, или банки - было одно гигантское преимущество над коллегами из других стран: привилегированный доступ к американскому капиталу. Они могли использовать этот доступ для приобретения технологий, которых не было у других, и обучения кадров на высшем уровне - а потому производить продукцию, которую не могли делать другие, причем по конкурентоспособным ценам. Теперь и эта особая «привилегия» сошла на нет. Мир буквально купается в капиталах, и перед американскими рабочими вдруг встал вопрос: а что такого мы сегодня умеем, чего не умеют другие? Причем такая дилемма затрагивает и компании в целом. Раньше, выходя на зарубежные рынки, они приносили с собой капиталы и ноу-хау. Теперь, намереваясь начать операции за рубежом, они обнаруживают: у местных и то, и другое уже есть.

Третьего мира фактически уже не существует. Что могут принести американские компании в Бразилию или Индию? В чем состоит конкурентное преимущество США? Мало кто из американских бизнесменов предвидел, что им придется искать ответ на эти вопросы. И ответ на него связан с одной тенденцией, которую подметил экономист Мартин Вульф (Martin Wolf). Прежде экономическая наука сосредоточивалась на двух основных факторах - труде и капитале. Но теперь и то и другое превратилось в товар, доступный всем. Сегодня значение экономики характеризуется прежде всего идеями и энергоносителями. И страна способна обеспечить себе процветание, если станет источником идей и энергии для других.

Политика ничегонеделанья

Соединенные Штаты были, и могут и дальше оставаться самым важным в мире источником новых идей - больших и малых, технических и креативных, экономических и политических. (При подлинно инновационном характере экономики Америка могла бы разработать и идеи о производстве новых видов энергии). Но для этого стране нужны существенные перемены. Америка традиционно волнуется об утрате своих лидирующих позиций. Нынешняя волна озабоченности на этот счет - уже четвертая за послевоенный период. Первая поднялась в конце 1950-х гг., когда СССР запустил спутник, вторая - в начале 1970-х, когда повышение цен на нефть и замедление экономического роста убедили американцев, что будущее принадлежит Западной Европе и Саудовской Аравии. Время третьей волны пришло в середине 1980-х: тогда большинство экспертов было убеждено, что Япония вскоре превратится в технологическую и экономическую сверхдержаву. В каждом из этих случаев озабоченность имела под собой веские

основания, а прогнозы были вполне логичны. Тем не менее, ни один из этих мрачных сценариев не воплотился в жизнь. И причина состояла в том, что американская общественная система оказалась гибкой, предприимчивой, выносливой, способной исправлять ошибки и переориентироваться на новые направления. Само внимание к возможности экономического упадка США в конечном итоге позволило его избежать.

Сегодня проблема заключается в том, что политическая система США, похоже, утрачивает способность корректировать собственные изъяны. Экономические проблемы, с которыми сталкивается сегодня Америка, вполне реальны, но в общем и целом они не являются результатом системной неэффективности американской экономики или культурного упадка. Они - следствие конкретной политики государства. Изменение политического курса могло бы быстро и относительно легко поставить США на более стабильные рельсы. Буквально завтра можно было бы приступить к реализации «пакета» разумных реформ, направленных на сокращение расточительных расходов и субсидий, повышение объема сбережений, расширение образовательных программ в сфере естественных и технических наук, обеспечение финансирования пенсий, создание работоспособных иммиграционных процедур, и значительный рост эффективности энергопотребления. По большинству этих вопросов между экспертами не существует серьезных разногласий; ни одна из предлагаемых мер не повлечет за собой лишений, скольнибудь напоминающих трудности военных лет - речь может идти лишь о небольшой корректировке сегодняшней ситуации. Тем не менее осуществить эти реформы представляется невозможным - по политическим соображениям. Американская политическая система утратила способность принимать болезненные решения, способные в будущем принести огромную пользу.

Сегодняшнюю американскую экономику не назовешь слабой, а общество - нездоровым. Но американский политический процесс в значительной степени утратил дееспособность. Политическая система, устаревшая и негибкая еще в момент ее создания (а это было 225 лет назад), полностью «захвачена» крупным капиталом, групповыми интересами, охочими до сенсаций СМИ, и идеологическими «штурмовыми отрядами». Результатом становятся бесконечные яростные дебаты о мелочах - «политический театр» - и почти полное отсутствие содержания, компромиссов и действий. Эффективную страну связывает по рукам и ногам политический «процесс ничегонеделанья», подходящий лишь для межпартийной борьбы, но не для решения проблем.

Поддерживать острую межпартийную борьбу и отвергать разумные призывы к сотрудничеству обеих партий - весьма хитроумная позиция. Некоторые политологи давно уже высказывают пожелание, чтобы американские партии стали больше похожими на европейские - идеологически выдержанные, с жесткой дисциплиной. Однако европейские парламентские системы отлично приспособлены для работы именно с такими партиями. Там исполнительная власть всегда контролирует законодательную, поэтому партия, сформировавшая правительство, легко может реализовать свою программу. Американская же система, напротив, построена на разделении власти, дублировании функций, сдержках и противовесах. Чтобы двигаться вперед, нам необходима широкая коалиция между двумя основными партиями и политиками, готовыми протянуть друг другу руку. Именно поэтому Джеймс Мэдисон (James Madison) не доверял политическим партиям, ставил их на одну доску с различными другими «фракциями», и считал, что они представляют серьезнейшую опасность для молодой Американской республики.

Прогресс в решении любой крупной проблемы - в сфере здравоохранения, соцобеспечения, налоговой реформы - потребует компромисса между обеими сторонами. Для этого необходимо мыслить на перспективу. Но подобные вещи у нас способны погубить любую политическую карьеру. Тех, кто выступает за разумные решения и компромиссные законы, собственное партийное руководство отодвигает на обочину, они лишаются финансовой поддержки со стороны групповых интересов, и постоянно подвергаются нападкам со стороны «своих» на телевидении и радио. Наша система побуждает политиков действовать по иному - занимать жесткую позицию, а затем говорить своей команде: «Я не склонился перед противником». Это отлично помогает собирать спонсорские средства, но управлять страной таким способом нельзя.

«Взлет» других держав

Реальным испытанием для Соединенных Штатов станет ситуация, противоположная той, с которой Британия столкнулась в 1900 г. Ее экономическая мощь слабела, но Лондону удавалось сохранять гигантское политическое влияние на мировой арене. Американское народное хозяйство и общество, напротив, в состоянии адекватно реагировать на экономические вызовы и конкуренцию современной эпохи. Они обладают способностью к адаптации, корректировке, и сохранению своих позиций. Предстоящее США испытание лежит в политической плоскости - и касается оно не только страны в целом, но и Вашингтона в особенности. Сможет он адаптироваться в ситуации, когда другие страны переживают «взлет»? Способен ли Вашингтон правильно отреагировать на изменения в экономических требованиях эпохи и соотношении сил на международной политической арене?

Два десятилетия у Соединенных Штатов фактически не было соперников. А в широком смысле международное устройство определялось Америкой еще с конца Второй мировой войны. Сегодня, однако, мир переживает один из величайших в истории периодов перемен.

За последние 500 лет произошло три тектонических сдвига в соотношении сил на мировой арене, изменивших жизнь на планете - в политическом, экономическом и культурном плане. Первым стал «взлет» Запада - процесс, начавшийся в 15 веке, и резко ускорившийся в 18 столетии. Он породил атрибуты современности в нашем нынешнем понимании: науку и технику, коммерцию и капитализм, аграрную и промышленную революции. Кроме того, его результатом стала длительная политическая гегемония западных стран.

Вторым сдвигом, случившимся в конце 19 века, стал «взлет» Соединенных Штатов. Вскоре после завершения индустриализации в США эта страна стала самым могущественным государством со времен Римской империи - единственным, чья мощь превосходила потенциал любой вероятной коалиции других держав. В прошлом веке Соединенные Штаты в основном господствовали в мировой экономике, политике, науке, культуре, и идейной сфере. Последние 20 лет эта гегемония была абсолютно неоспорима - что стало беспрецедентным явлением в мировой истории.

Сегодня же мы переживаем третий величайших сдвиг соотношения сил в новой и новейшей истории - «взлет других». В последние несколько десятков лет ряд стран по всей планете демонстрирует прежде немыслимые темпы экономического роста. Хотя это развитие сопровождается циклическими колебаниями, общая тенденция представляет собой энергичное движение вперед. (С наибольшей наглядностью этот феномен проявляется в Азии, но он уже не ограничивается этим регионом, поэтому называть нынешний сдвиг «взлетом Азии» было бы неточно).

Формирующееся сегодня международное устройство скорее всего будет сильно отличаться от тех, что ему предшествовали. Сто лет назад существовал многополярный миропорядок, в котором главенствовал ряд европейских государств - он сопровождался постоянной перетасовкой альянсов, соперничеством, просчетами и войнами. Затем, в эпоху «холодной войны», пришло время биполярного мира - в каких-то отношениях более стабильного, однако в это время сверхдержавы реагировали (порой несоразмерно) на каждый шаг друг друга. С 1991 г. мы жили в эпоху американской империи, уникального однополярного мира, в рамках которого происходила глобализация и ускорение развития открытой мировой экономики. И именно это развитие стало движущей силой нового изменения характера международного устройства. В военно-политической сфере в мире по-прежнему существует только одна сверхдержава. Однако полярность - не бинарное явление. Мир не может десятилетиями оставаться однополярным, а потом вдруг в одночасье превратиться в многополярный. По всем направлениям, кроме военной мощи, соотношение сил меняется, уходя от американского господства. Это не означает, что создается антиамериканский мир. Мы переходим к постамериканскому миру, который определяется и управляется из многих центров, многими игроками.

Можно порекомендовать немало конкретных шагов и программ, которые позволили бы усилить конкурентоспособность американской экономики и общества. Но помимо этого,

необходимо также изменить общую стратегию и подход. Соединенные Штаты должны признать, что перед ними стоит выбор. Они могут укрепить формирующийся миропорядок, сотрудничая с новыми великими державами, поступившись частью своего могущества и привилегий, и согласиться с тем, что завтрашний мир будет отличаться разногласиями и многообразием точек зрения. Или же они могут пассивно наблюдать за тем, как «взлет других» порождает рост национализма и раздробленности, который постепенно разорвет в клочья тот миропорядок, что США строили последние 60 лет. Преимущества первого варианта очевидны. Мир меняется, но он движется по тому же пути, что и Америка. Новые державы принимают на вооружение рыночную экономику, демократический строй (в той или иной форме), открытость и прозрачность. Возможно, в этом мире Соединенным Штатам придется «потесниться», но зато в нем явно преобладают американские идеи и идеалы. У США есть возможность формировать меняющийся глобальный ландшафт и занять в нем видное место, но для этого они сначала должны осознать, что постамериканский мир стал реальностью - и не только принять, но и приветствовать этот факт.

Фарид Закария¹

¹ Фарид Закария - редактор *Newsweek International*.